

Ольга Югова

**Сага о МаТане,
или
Сестры-двойняшки:
начало пути**

Ольга Александровна Югова

Сага о МаТане, или Сестры-двойняшки: начало пути

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63373771
ISBN 9785005179166*

Аннотация

Девочки-двойняшки растут и развиваются несмотря на все сложности, с которыми им пришлось столкнуться. Но вера мамы в своих детей творит чудеса! Девочки догнали своих сверстников по умственному и эмоциональному развитию. Жизнелюбие девочек, их свежий взгляд на мир не оставят равнодушными даже самых строгих критиков. Книга представляет собой сборник высказываний сестер-двойняшек с двух с половиной до пяти лет и описание забавных ситуаций из жизни девочек. Ориентирована на широкий круг читателей.

Содержание

Предисловие	6
Сага	13
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Сага о МаТане, или Сестры- двойняшки: начало пути

**Ольга Александровна
Югова**

© Ольга Александровна Югова, 2021

ISBN 978-5-0051-7916-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юговы О. А., Т. И. М.И.

Сага о Матане, или

Сестры-двойняшки: начало пути

Посвящается всем врачам и медицинским
работникам

Предисловие

Эта книга представляет собой сборник цитат наших двойняшек, которые я начала записывать с того момента, как они научились произносить первые слова, в возрасте двух лет и трех-четырех месяцев. У меня изначально не было мысли сделать из их высказываний книгу, но публикация фрагментов в социальных сетях вызвала неожиданно теплый отклик. Кроме того, друзья сказали мне, что такая книга может оказаться поддержкой для тех родителей, которые оказались в сходной с нашей ситуации. И я решила попробовать. Начну с краткой истории.

Эта беременность была первая, долгожданная и очень непростая. Через несколько дней после того, как я узнала, что беременна, мне диагностировали отслойку плаценты, и тогда же сказали, что, похоже, это двойня. Мне стало вдвойне страшно потерять эту беременность, поэтому я выполняла все предписания врачей. В итоге за пять с половиной месяцев, с момента, когда я узнала, что жду ребенка, и до их дня рождения, я восемь раз ложилась на сохранение. Восьмая госпитализация неожиданно, но, в целом, прогнозируемо закончилась экстренным кесаревым сечением 9-го ноября 2015-го года, на акушерском сроке ровно 29 недель, после того, как отошли воды, и более суток врачи пытались остановить родовую деятельность и продолжить сохранение

беременности.

Таня родилась первая, ростом 32 см, весом 800 грамм и 2 баллами по шкале Апгар¹. Маруся – 31 см, 980 грамм и 1 балл по Апгар. Детей встречали реаниматологи Перинатального центра, и через 5 минут реанимационных мероприятий они получили оценку 4 и 3 балла, а через 10 – 6 и 5 баллов соответственно. Невольно вспоминается анекдот: «из разговора в реанимации: – пациент еще жив? – еще

¹ Оценивать состояние новорожденных по десятибалльной шкале впервые стала американка Вирджиния Апгар. Она руководила анестезиологическим отделением Колумбийского университета в середине прошлого столетия и изучала самочувствие детей после рождения. Шкала Апгар – наиболее простой и быстрый современный способ оценки состояния новорожденного ребенка. Сегодня ею пользуются акушеры и неонатологи большинства стран мира. Врач выставляет от 0 до двух баллов за каждый из пяти показателей. В итоге эти оценки суммируются и получается цифра от 0 до 10 баллов. 1 показатель: сердечные сокращения. 0 баллов – сердцебиения нет, 1 балл – частота сокращений сердца – не превышает 100 ударов в минуту, 2 балла – количество ударов сердца – более ста в минуту. 2 показатель: дыхание. 0 баллов – младенец не дышит самостоятельно, 1 балл – у ребенка наблюдаются нерегулярные вдохи, 2 балла – ребенок дышит сам регулярно. 3 показатель: цвет кожи. 0 баллов – кожа белого или синего цвета, 1 балл – тело малыша розовое, а конечности – синего цвета, 2 балла – кожа розовая. 4 показатель: рефлекторная возбудимость. 0 баллов – ребенок не реагирует ни на отсасывание слизи, ни на прикосновение, ни на протирание, 1 балл – на лице ребенка появляется недовольная гримаса при проведении этих процедур, 2 балла – младенец кричит при проведении данных процедур. 5 показатель – тонус мышц. 0 баллов – ребенок лежит распластанный, ручки и ножки выпрямлены и раскиданы в стороны, 1 балл – ручки и ножки находятся в полусогнутом состоянии, 2 балла – ребенок сжат в комочек, ножки согнуты в коленях и прижаты к телу, ручки согнуты в локтях.

нет». Я видела их сразу после рождения и могу сказать, что эта фраза наиболее точно характеризует момент.

Все эти детали про баллы я узнала позже. В тот момент детей мне не показали, а когда я попыталась разглядеть их с операционного стола в толпе реаниматологов, то увидела только что-то очень маленькое, странно бесформенное и темно-синее. Когда я поняла, что это и есть мои девочки, я перестала пытаться их рассмотреть и спросила моего анестезиолога, как дети. Он ответил только: «молись!» А со стороны детских реаниматологов до меня донеслось: «адреналин!» Вот тут дозу адреналина получила уже я. Сейчас, вспоминая эти минуты, я понимаю, что это самое настоящее, что вообще в жизни было.

Девочки провели в реанимации больше месяца, из него 4 недели – на аппарате ИВЛ, поначалу – на высокочастотном. То, как мы ездили к ним каждый день сначала туда, потом еще месяц – в соседнее крыло здания ПЦ, в палату интенсивной терапии, навсегда останется дорогой воспоминаниям частью нашей семейной истории. Потом меня положили на совместное пребывание с Марусей, в то время как Таню пытались снять с кислорода – она была уже не на ИВЛ, но оставалась на кислородной поддержке вплоть до дня своих именин 25-го января. Только тогда ее удалось окончательно снять с маски и перевести к нам. 30-го января нас выписали, и началась веселая жизнь дома.

Девочки выписались домой с весом Маня 2360, Таня

2150, но мне они казались уже большими. Таня еще долго не могла поддерживать собственную температуру тела, у нее больше полугода сохранялась одышка; дети редко спали подряд дольше часа, а каждые два часа – по будильнику – я сцеживала для них грудное молоко. Около года мы спали при включенном свете, чтобы успеть взять на руки и успокоить проснувшуюся дочку, пока она не разбудила другую, чтобы время от времени считать количество вдохов в минуту, чтобы следить за цветом носогубного треугольника, и прочие подробности быта параноидальных родителей. А днем было по 5 ингаляций у каждой дочки и дневные сны только в движущейся, и желательно по ухабам, коляске. К счастью, с ухабами нам повезло.

Попутно мы показывали детей врачам и выполняли огромное количество обследований. Мнения врачей в целом различались в диапазоне от «прекрасные дети, молодцы, отлично развиваются» до «их надо было сразу вынести на мороз, все равно не жилыцы». И вишенкой на торте была пугающе искренняя фраза доктора в приемном покое больницы, куда мы приехали с четырехмесячной Таней, у которой была температура 39 с лишним – «мы не знаем, как лечить таких детей». И я даже в тот момент понимала, что врачи не виноваты, они и в самом деле не знают. Таких детей стали спасать совсем недавно, и требовать от врачей, чтобы они моментально переквалифицировались с нормальных, доношенных и в целом здоровых детей на таких, как мои, кото-

рым даже дозу жаропонижающего было рассчитать проблематично, невозможно и нечестно.

Нам еще врачи реанимации сказали, что у Маруси с большой долей вероятности будет ДЦП. И ей поставили этот диагноз и дали инвалидность в два года, когда стало очевидно, что отставание в двигательном развитии уже нельзя списать на недоношенность. Мы и до того занимались их реабилитацией, но с тех пор, как Таня пошла, а Маха нет, и стало очевидно, что она не пойдет сама, без постоянных профессиональных занятий, мы стали больше заниматься именно ее восстановлением.

Я навсегда благодарна врачам Перинатального центра не только за то, что они спасли и выходили фактически безнадежных младенцев, но и за то, что они помогли мне сохранить психику и передали свое спокойствие и несуетливость. Поэтому мы смогли пережить непростое первое время с минимальными потерями. Но эта история отучила меня планировать будущее и сильно оглядываться на прошлое – теперь чувствуется, что есть настоящий момент, и он состоит из простых и конкретных задач, которые надо решать. А потом однажды утром ребенок просыпается и говорит: «я улыбаю маму» – и понимаешь, что все это было не зря, и оглядываешься на пройденный путь с чувством хорошо выполненного долга. А впереди опять конкретные задачи, решения конкретных проблем, и это и есть жизнь. «У самурая нет цели, только путь». И на этом пути, бывает, дух захватывает –

то от счастья, то от грусти, но никогда – от страха, потому что страх остался там, в первых неделях их жизни, которые вспоминаются с благодарностью, как необходимый и драгоценный опыт.

Те первые, самые сложные дни жизни девочек открыли мне многое – обо всех, с кем пришлось общаться, и даже о себе самой. Когда было так трудно, что хотелось прекратить эту неизвестность любым способом, даже самым радикальным, я все-таки понимала, что никогда так не сделаю, что все переживу и буду жить, и жить счастливо – при любом исходе. Но я стала понимать тех, кто отказывается от детей, кто решается на непоправимое, и многих других, чьи мотивы мне были совершенно непонятны раньше. И поняла, что жизнь одновременно очень хрупкая и непобедимая. Мои друзья, сами с маленькими детьми, отложив свои дела, помогали нам, находили возможность быть рядом, и их поддержка была бесценна.

Публикуя детские высказывания, их взаимоотношения друг с другом и с нами, я хочу не только поделиться с читателями своей родительской радостью, придать надежду и бодрость тем, кто оказался в ситуации, подобной нашей, но также показать важность и ценность человеческой личности. Эти дети родились с весом меньше килограмма, и были люди, которые сомневались в том, стоит ли их спасать и выхаживать. Девочкам грозила серьезная инвалидность – по зрению, слуху, легким, опорно-двигательной системе; ре-

ализовалось только последнее и в отношении одной дочки, но это не мешает ей радоваться жизни и радовать нас. Хочу надеяться, что трудности первых лет жизни научат девочек больше ценить то, что у них есть, нас – понимать и беречь этот хрупкий дар. А читателей этой книги – тому, что любой человек это космос, даже если это экстремально недоношенный ребенок с инвалидностью или другими особенностями развития.

Сага

NB: Маха всегда говорит голосом мультяшки, а Таня – как дроид С-3РО из «Звездных войн».

Дети учились говорить. Таня произносила «зеленый» как «оный». На вопрос, какого цвета, отвечала: «онова». Во время оно, одним словом.

Папа сказал Тане: «может быть, ты станешь педагогом». Таня: «игогогом». Прямо вот да.

Таня начала говорить месяца на полтора раньше Махи, и стала говорить внятно примерно на тот же срок раньше. Поэтому был недолгий период, когда она переводила нам Маху. Маха говорит: «ванива». Мы: «что это значит?» Таня авторитетно: «красненькая». Ну да, Таня сама буквально только что говорила вместо «краснова» – «ванива». Ей все ясно-понятно.

Маха, как только научилась говорить, начала всех контролировать неусыпно. Ваня надолго потерял возможность ходить без шапки, потому что стоило ему выйти из машины или из дома с непокрытой головой, как Маха начинала вопить: «апочку надеть! Апочку надеть!!»

Дети говорили «воботад» и «бимигот» – это водопад и бегемот. Классический пример метатезы. Потом у обеих был приколы «манька бухая», что всего лишь означало сравнение – «маленькая большая», но звучало эпично.

Мою девочек, говорю: «моем моем трубочиста чисто чисто чисто чисто». Они продолжают: «чисто конкретана». Папа в культурном шоке.

Маха с игрушечной телефонной трубкой: «аё, аё!» Папа: «кто там?» Маха смотрит на трубку: «там никого нет». И правда.

Таня лезет под одеяло: «Таня залезает в берлогу. В медведевую берлогу». Наверное, в тот период она спала с игрушечным медведем. Тогда все правильно.

Дети приучались к горшку. Таня надула на пол огромную лужицу, стоит посреди нее на четвереньках, радостно шлепает ладошками: «я рыбка, я плаваю!» Они освоили горшок в два с половиной года, и быстро, за три дня, но эти три дня оказались незабываемыми.

Маха что-то жует. На вопрос, что, отвечает: «яблочко» — и достает изо рта наклейку. И правда, на наклейке яблочко. Не соврала.

Катаю детей в коляске. Маха начинает колупать танину шапку. Таня: «не дергай, это моя шапочка!» Маха тогда всей пятерней вцепилась Тане в лицо. Таня протестующе: «это

моя морда!» Ну прямо ни до чего не дотронься.

Таня: «Таня красивая».

Маха: «какой красивый мир!»

И обе правы. Но Маха больше ориентирована вовне, и это было заметно практически сразу. Таня очень долго была вещь в себе.

Таня протягивает Махе кусочек картошки: «я наелась, тебе повезло, Маня». Везение довольно сомнительное. Махе с тех пор часто достаются танины огрызки, которые она безропотно доедает.

Таня, глядя, как я вытираю Махе попу: «мама, только не обхезайся какой». Да уж постараюсь.

Маха откуда-то навернулась: «лобёшник больно! Поцеловать!» Будет сделано.

Таня тискает плюшевую крысу из Икеи и комментирует: «Таня общается с крысой». Мило. Крыса в тот момент была размером примерно с половину Тани.

Маха: «мама прискакала!» Прискачешь тут.

Маха нюхает сирень: «пахнет апельсином». Самое инте-

ресное, что апельсин она тогда не то что не пробовала, но даже и не нюхала.

Таня стаскивает Маху с ворот, на которые та залезла: «Маня, слезай, дом сломаешь!» За дом они очень переживают, это да.

Маха выгрызла Тане прядь волос. Таня покорно: «Таня без волос».

Маха жалуется: «Таня притесняет маниную ногу!» Нехорошо притеснять маниные ноги, они и так наиболее пострадавшая часть.

Маха обнимает Таню: «Таня любимая!»

Таня, отбрыкиваясь: «не бей меня, зайка, не бей!»

Интересный вывод такой, Маха вроде и не собиралась. Хотя у них это быстро одно в другое переходит.

Маха на прогулке, увидев издалека соседку: «оень! Оень!» Поближе подъехали: «коова!» Прямо неловко получилось. В другой раз они обе так же вопили, увидев здорового дядю с маленькой собачкой: «смотри, кабан!» И вот собачка на кабана ни с какой точки зрения не тянула.

Маха одевается на прогулку: «я не пойду, я очень расстег-

нута». Я ее очень застегнула, пошли.

Маха, закончив ингаляцию: «я попыхтела». У нас ингалятор паровозик, так что вдвойне справедливо.

Маха, обнимаясь: «я маленькая... я маленькая детеныша...» Правда, маленькая.

Таня: «молокать». Это значит пить молоко.

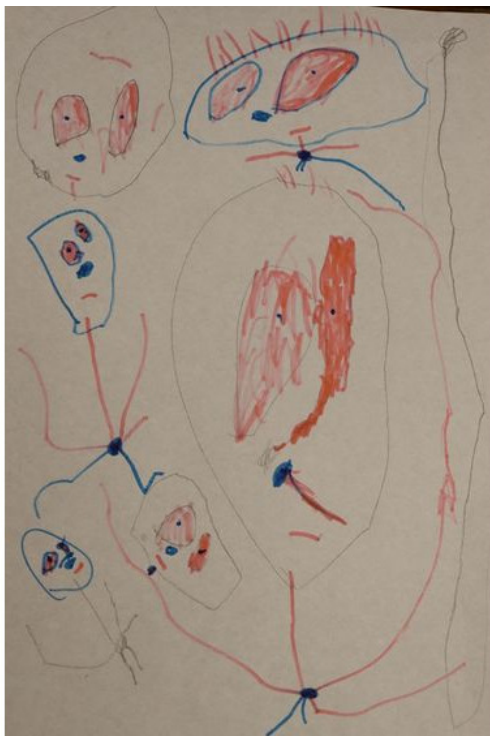
У Тани на глазу лопнул сосудик. Рассуждаем, отчего это. Таня: «сороконожка укусила». Откуда она это взяла, никто так и не догадался. Мы ей не рассказывали про кусачих сороконожек.

Маха: «папа не мягкий, папа деревянный».

Таня: «папа деревянный, а мама пушистая».

Папа сильно озадачился таким определением. Мама довольна.

Таня: «у полосатого зайчика подгузник чистенький, а у меня грязненький». Пошли мыть, что же.

Таня: «поросятые носочки». Это значит розовые в полочку.

Таня: «кака в унитазики купается». Такое милое описание.

Маха: «а Маня людоед оказалась». Не секрет ни разу. Хотя они обе будь здоров как кусаются.

Таня: «я испугалась от страха». Логично.

Маха: «я недовольна! Мама, не делай так, делай по-другому. Мне не нравится». Сразу чувствуешь себя такой прямо виноватой и срочно исправляешься.

Маха смотрит на себя в зеркало: «просто икона!» Этот ребенок от ложной скромности не умрет.

Таня: «я люблю супрастин, сказала белка. А я люблю зодак, сказал крокодил». Что принимали в тот момент, то и любили. Правильно, я их учу любить неизбежное.

Таня: «день рождения... старенькая я». Это им по три года исполнилось.

Маха: «итить комарик». В смысле летит, да, но у нее получилось выразительнее.

Маха: «сфоткай меня как я здорово сижу!» Что бывает, если детей постоянно фоткать? Правильно – они привыкают и начинают этого требовать.

Маха, надев новые высокие сандалии: «я кот в сапогах». И она теперь по жизни кот в сапогах, из одних выросла – следующий размер не ниже.

Таня: «надо залезть под одеяло, а то без пододеяла холодно». И залезла.

Таня: «читай по-большому!» Это значит громко, а не то, о чем все подумали.

Маха дедуле, в ответ на его требование не трогать провод: «дедуля, убери руку и сядь на диван». Маха начала командовать сразу, как только научилась более-менее внятно произносить слова.

Маха: «мне больно, когда ты делаешь мне растяжку!» Или еще драматичнее: «от такой жизни мне больно». Ну что ж поделать, уж какая есть.

Таня: «Маня улитка». Потому что ползает.

Маха: «Маня не сядет на Таню, Таня не лошадка, Таня зверушка. Сказать это маме». Они еще не освоили глагольные формы, но уже были в курсе, что я записываю их бессмертные высказывания, и следили за этим.

Таня мне: «я тебя наказываю».

Я: «как?»

Таня: «очень наказываю».

Неизвестность страшнее всего, так что, пожалуй, и правда очень.

Маха: «папа напингвинился». У Тани еще круче вариант: «папа напингвинулся». Мы так и не выяснили, что это означает.

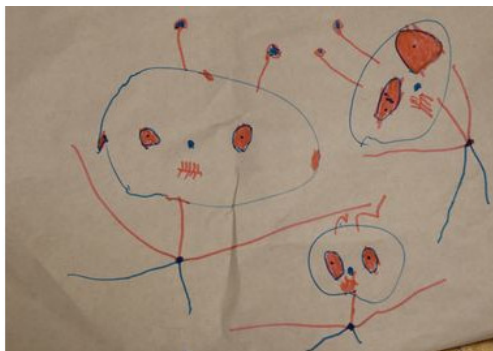
Маха разглядывает куклу: «кукла похожа на бабулю Людмилу. Одно лицо». И ведь правда похожа. И на саму Маху соответственно.

Маха смотрит на солнечный луч: «мама, тут бяблячки летят!» Пылинки, она просто тогда этого слова еще не знала.

Таня: «мама душистая» – и душит меня. «А папа пуши-

стый». И пушит его. Все правильно вообще.

Маха хулиганит, и глядя хитро: «мама, ты только не плачь!» Ну как так, еще и не плакать.

Одеваю Маху, она с возмущением: «мама, ты меня толкнула и ушибила!» Это врожденное. Нападение как лучший способ защиты.

Таня потрошит матрас: «хочу пушистого мяса». Таня-то только потрошит, а Маха реально ест эту набивку, из чего бы она ни была.

Маха на прививке: «мама, мне очень больно! Я бедная!» Это значит, надо пожалеть.

Таня залезает на перила кровати: «рангунтанг». Это значит орангутан, и было очень похоже.

Маха: «ааа! Не могу посадиться на стульчик. У меня лапы падают!» Все верно, да. ДЦП такое дело.

Маха мне: «ты плетела косу Тане». Плетела, было дело.

Маха: «мама, приди! Мне грустно». Маха общительная, ей надо для грусти компанию.

Маха: «посади меня на лавочку, я буду думать». Мыслитель Родена, ни дать ни взять.

Маха: «я не ушибила свою голову! Я буду осторожно подниматься». Это ценно.

Маха: «ты меня покажешь дедуле, есть он там или нет». Без вариантов.

Маха с Таней обнимаются. Маха: «какая мягенькая Танечка!»

Таня: «спасибо вам огромное».

Это из очередной книжки цитата, но прозвучало красиво.

Таня: «зинаноя». Это, оказывается, жена Ноя, но поняли

мы это далеко не сразу и только из контекста.

Маха: «мама, ты пахнешь запахом! Не пахни!» Или: «убери звук!» Если убрать звук я еще худо-бедно могу, то не пахнуть – вряд ли.

Маха: «апчхи! Ой. Я обчихнула книжечку». Потому что надо рот закрывать, но они это не то что тогда, и до сих пор не умеют.

Маха: «ты вытащишь и выбросишь каки, а я буду смеяться. Хохотать». Ну еще бы, это ж ужасно смешно.

Маха: «дай мне маленький-маленький кусочек сыра, ну то есть большой». Маха любит вкусенькое и побольше.

Тане моют голову, вопит оглушительно. Помыли, вытерли, одели. Моем голову Махе, она тихонько пищит. Таня прибегает: «Маня, что случилось? Что случилось, Маня?» И действительно.

Маха: «приди, мама! Мама, приди! Мамаааа! Не кусий, не пей, ничего не делай, только приди ко мне». Вот в этом вся Маха. Все брось, вынь да положь.

Маха: «мама, приди! Отклей снеговика! Я не умею».

Таня подходит к ней: «давай попробуем».

С каждой из них по отдельности я бы чокнулась сразу. Это спасение, что их две.

Таня в ответ на замечание: «ну ладно, перестань ворчать». А ведь в далекой юности я представляла себе, что дети называют меня на Вы. Ага, щаззз.

Маха, валяясь на диване: «не будем ходить, будем наслаждаться». Так и отлежать бока можно.

Маха: «мы тебе поможем заплести Таню. Таня, не двигайся! Не вертись, Таня, я сказала!» Ну, раз Маха сказала, то конечно. Они слышат как следует только друг друга. И то не всегда.

Маха: «папонька-лапонька». Папонька растаял и утек.

Маха: «я щекотаю папу. Папа, потрепи немножко». Куда денешься, приходится терпеть.

Таня: «Маня царица полей, потому что она царевна-лягушка». Зря я им рассказала про кукурузу, ой зря.

Маха: «это цвитата» (цитата). Дети с молодых ногтей учатся давать ссылку на первоисточник.

Маха: «пожалей меня! Вытри платочком слезки». Мастерски давит на жалость.

Маха: «я не умею стоять, у меня ножки маленькие». Или, как вариант: «я маленькая еще, у меня не получается». А все равно учиться придется.

Маха на вопрос, устала ли она: «да, это было тяжело». Хорошо, когда есть адекватная обратная связь. И так понятно, что ей тяжело многое из того, что нам легко, но хорошо, когда она сама говорит, что и как.

Таня: «они полетели в космические страны». К вопросу о внеземных цивилизациях.

Маха: «мамочка, откуда ты нашлась?» Если бы я знала.

Маха: «я ягненок беленький, а ты большая такая овца. А я ягненок беленький, такой мягкий, плюшевый». Ну что ж, овца так овца.

Таня: «я буду грызть пальчики. Немножечко». И грызет ногти.

Маха: «мама, не плачь, я с тобой! Не тревожься, все хорошо, киса моя милая». Маха, кажется, всегда отлично понимала настроение окружающих и максимально внятно на него реагировала. Это было удивительно видеть у ребенка, который еще голову держит с трудом.

Маха: «какая ты мягкая, Танечка!»

Таня: «я не мягкая, я твердая». Характер нордический стойкий, да.

Маха: «надень на меня халатик, я страдаю без него». Раз страдает, конечно надели.

Маха, обнимая маму: «гоблином пахнет». Хотя бы не запретила мне пахнуть, уже прогресс.

Таня на вопрос папы, почему у нее ноги изрисованы руч-

кой: «это чтобы лучше слышать тебя, дитя мое!» Л- логика.

Маха: «я буду строить домик из одеял и простынев». И строит. А мне потом это все распутывать.

Таня: «а когда Маша будет ходить?»

Маха: «пойду-ка я сяду». Устала при одной мысли о ходьбе, ага.

Таня: «я буду бегать лапками, как червячок. Я червячок на двух лапках. У меня копытца». Очаровательно. Законченный образ чернобыльского мутанта.

Махе запретили облизывать пол. Она невозмутимо продолжает, а нам говорит: «вы меня потом накажете, и всё». Вот отличный выход, действительно.

Таня качает на руках плюшевого кота, и с хитрой улыбкой: «он весь глупый».

Таня залезает обеими ногами в горшок. На вопрос зачем отвечает: «я хочу притвориться чепчиком». Они долгое время думали, что чепчик – это какой-то экзотический зверек.

Девочки обнимаются. Таня: «ай-ай-ай! Не откусай мне нос. Я сейчас без носа буду». Вполне вероятно. Махина неж-

ность безгранична.

Таня: «буду пить под столом, потому что я так решила». Мужик сказал, мужик сделал – это вот прямо про Таню.

Таня сочувствует зайчику из сказки: «я его съем, и он не будет плакать». Беспроегрышный вариант, и правда.

Маха хохочет: «пепелище! О Господи!! Пепелище!» Ее насмешило слово «пепелище», и даже не интересовало, что это такое – просто прикольно звучит.

Таня, пытаясь меня придушить: «я делаю из тебя полотенно». Это не только придушить, но и раскатать надо, с этим сложнее.

Маха увидела букет желтых хризантем: «ух ты, какие цветочки! Одуванчики!» Цветочки она очень любит... есть.

Таня: «нет, я не девочка! Я мальчик». На вопрос, почему, резонно отвечает: «ну потому что родился. Родился мальчиком». Гендерная самоидентификация – это так непросто.

Маха: «уйди, я какаю». Таня тут же хватается игрушки и убегает в другую комнату.

Маха, засунув палец в ноздрю: «я погасила в носу свет». Наверное.

Таня в церкви, про читающего алтарника: «а чо он бубнит?» И добро бы тихо, а то на весь храм.

Маха нежит папу: «милая лысинка!» Папа опять тает.

Таня: «смотри, ждун идет домой после мышиной охоты». Это тоже из книжки, но не про ждуну.

Маха: «если бы Анечка ходила на костылях, я подавала бы ей мяч». Пока что мы все подаем мяч Махе, хотя она и не на костылях. Тогда была с ходунками-толкателями.

Маха: «мама, какая ты мягкая, как хорошо, что вы меня спасли!» Это цитата из какой-то их книжки, а звучит так, как

будто Маха изначально была в курсе ситуации.

Маха: «я игрушечная, но живая». Очень точное самоопределение.

Таня ест яблоко с кожей: «я доросла до шкурок». Потому что раньше их срезали и говорили, что дети еще маленькие, чтобы есть со шкурками.

Таня дедуле: «уйди, я буду хулиганить». Спасибо хоть предупредила.

Спрашиваю Маху, будет ли она доедать. Она в ответ: «да, весьма утомительно». Так все-таки да или утомительно?

Таня: «я рисую зеленым и синим, чтобы было красиво, разочарованно сказала Таня». Они употребляют много слов, значения которых, судя по всему, не знают, но их это не смущает совершенно.

Маха на вопрос, покакала ли она уже: «да, я наклала в кувшинчик с узким горлышком». Это из «Лисы и Журавля», но как уместно!

Таня: «я увидела на полу лужу и тут же промокла». Симпатическая лужа.

Маха рыдает и требует, чтобы с ней поиграли: «меня никто не любит!» Манипулятор 80-го уровня.

Маха, вылезая из ванны: «мне нечего надеть». Вот когда это начинается. Немножко рано, однако.

Таня: «мама, возьми меня на лапки». Таня девушка строгая, просится на лапки редко, так что это святое.

Говорю Тане, что не надо стоять на папе. Таня: «да нет, это легко можно сделать, легко». Если легко, то, стало быть, и можно.

Маха, выдирая из Тани волосья: «волосики на любой вкус». Оригинальный комплимент.

Зажигаю свечку. Таня смотрит: «а почему выковырился маленький фонарик?» Мне только кажется, что произнести «загорелся» легче?

Приезжала в гости подруга с сыновьями. Один из мальчиков сказал, что они скоро поедут домой. Маха в изумлении: «ты что?? Мы дома!» Все относительно.

Таня: «цыплиха». Ну, это понятно – мама цыпленка.

Таня: «хочу скакать большим конем». Хотеть значит мочь, Таня всегда именно так и скачет.

Маха: «я посмотрела на потолок. Чего там только не было, на потолке!» Спрашиваем ее, что же там такое. Маха мечтательно: «сказочное!»

Таня в ванне во время мытья головы: «ааа, мне страшно! Машка, не смотри! Отверни глазюки!» Так страшно, что Махе даже и смотреть на это нельзя.

Таня: «намажь мне лаком когти на передних лапках и на задних лапках». Лак, чтобы отучить грызть ногти, которые Таня, натурально, грызет на всех четырех лапках. Хорошо еще, что пока только на своих собственных.

Маха: «ты большая хозяйка. А ты большой хозяин, папа. А я хозяйница». Все правильно.

Вытаскиваем Махе занозу. Маха: «немножко больно. Но надо потерпеть. Заживет». Маха сама себе психотерапевт.

Маха: «я буду покусательницей». Почему буду? Уже давно есть.

Маха: «куда ты нажмяла?» Спрашивает, чтобы потом самой туда же жмять. Ну уж не скажу, а то зажмякает все кнопки до смерти.

Маха: «щекокотненько! Холодненько». Все сразу прямо.

Таня: «тень меня отбрасывает». С какой-то точки зрения да, так и есть.

Маха ластится ко мне и говорит нежно: «какая ты мягкая! Я выдавлю из тебя кишки». Вот это поворот.

Таня что-то требует. Ей говорят: «скажи: пожалуйста. Где у тебя пожалуйста?»

Таня: «во рту».

Все правильно, пока слово не сказано, оно во рту.

Махе моют голову. Маха: «ай-ай-ай зачем вы меня моете? Мама, ты мне уши задрала!» Это художественное преувеличение, уши у них довольно маленькие и ни за что не цепляются.

Маха: «я прекрасно хожу. Я умница». И правда, умница.

Маха: «дай мне кошачий рюкзак, я положу в него грибы и пойду в школу». У девочек есть два рюкзака – один в виде котика, другой зайчик. Папа растаял от умиления при виде такого желания пойти в школу. И оно вот уже совершенно точно не от меня.

Таня говорит мне: «я червяк, а ты груша». Суровая правда жизни.

Маня: «мышачий домик». Речь про любую емкость, куда

они напихают мышей.

Таня: «я кушаю. Хожу и кушаю, что теперь делать?» Да уж ничего не поделаешь.

Маху спросили, будет ли она есть пюре. Маха: «да, конечно. Кто же в этом сомневается». Очередная цитата и опять очень к месту.

Таня, на вопрос, что она жует: «ну зубы». Зубы сами себя жуют. Бывает.

Таня смотрит на зеленые яблоки: «они сделаны из листьев». И на вкус такие же, ага.

Таня: «колечко. Почему колечко?»

Маха: «оно калечит».

Очень глубокая мысль, но вообще смотря какое. По поводу обручального, боюсь, многие с Махой согласятся.

Таня: «домовенок и мама-домовиха». Почувствуй себя домовихой.

Маха: «не надо стригать!» Речь про ногти, разумеется.

Маха: «извините! Я сегодня спала у тебя, извините. Я пе-

репутала кровати. Извините!» Сплошь цитата без привязок к реальности. Когда она в самом деле перепутывает кровати и спит у меня, ей и в голову не приходит извиняться.

Таня: «хочу поймать галку и сожрать». Вечно голодный ребенок. Но это они после реабилитационных занятий были, вполне логично, что проголодались.

Маха: «папуля, ты где?»

Спрашиваю, что случилось. Маха непреклонно: «я зову папу, а не тебя».

Счастье-то какое.

Таня перелезает из своей кровати в Манину: «хочу на почетное место». Чем махина кровать почетнее таниной, осталось неизвестным.

Спрашиваю Таню, как она себя чувствует. Она, смеясь: «прескверно!»

Маха: «я угораю!»

Я тоже.

Спрашиваю Маху, почему она кричала, когда проснулась в коляске. Маха резонно: «смотрю никого нет. Только мы».

Я тогда оставляла коляску со спящими детьми в сарае и включала там радио-няню. Очень удобно, но на крик надо бежать очень быстро.

Маха смотрит на иконы: «иконы моей души». Поэтично.

Таня пьет жаропонижающий сироп и восхищается: «как вкусно! Какой запах!» Ну, эссенции не пожалели, подсластителей тоже, это правда.

Маха: «я пытаюсь тебя вздремучить». Да с самого рождения, и что хуже всего – ведь у нее получается.

Таня: «Маня, не делай так, не делай, не хулиганничай! Я же красиво сделала, зачем ты, я на тебя рассердилась».

Маха буднично констатирует: «Таня меня наругала».

Так и было за что.

Таня плющит Маху: «я играю в куклу. Маня – кукла-брюкла!»

Маха: «неет! Я мюкла!»

По мне, так принципиальной разницы нет.

Маха трясет руками: «я отряхляю их, потому что они в пироге».

Когда Маха ест пирог, в нем все, и руки еще меньше всего.

Таня схватила со стола нож: «я буду всех грабить!» Ну все, человек готов к реальной жизни.

Таня, увидев шприц: «мама, не колой меня!» А шприц во все для ингаляции был.

Маха вопит как ужаленная: «мама!! Мааамааа!!» Прибегаю, Маха нежно: «посиди, приголубь». Уфф, а ведь почти поседела.

Таня: «я маааленькая!»

Маха: «ты уже большая девочка, чего ты придумываешься?»

Маха и сама мастер так придуриться, но Таня же старше. На целых три минуты.

Маха в церкви во время окропления водой: «не надо так сильно брызгаться!» Услышали все.

Маха, раздеваясь: «я голая снаружи».

И одетая внутри? Это уже философия.

Маха: «а где папа?»

Говорю: «на работе».

Маха: «а что он там делает?»

Я: «зарабатывает денежки».

Маха: «он объестся и лопнет».

К счастью, у него есть мы, и мы поможем ему не лопнуть от излишка денежек. А вот если бы не мы, и судя по тому, сколько папа работает – реально и лопнул бы, так что вывод вполне закономерный.

Сажая Таню на горшок на прогулке. Мимо идет знакомая бабуля и хватит Таню: «оо, молодец, писай, писай».

Таня: «я своей маме писаю!» – и гордо отвернулась.

Минута материнской славы. Я приосанилась – мне писают, не кому-нибудь, а лично мне!

Маха целует свое отражение в зеркале: «я целую себя, потому что очень себя люблю». Очень важное умение, по-настоящему.

Таня: «почему заветрило мне в домик?» – это значит, подуло в форточку. Наверное, потому, что ветер сильный.

Маха: «что это за цветочек?»

Отвечаю: «это сныть».

Маха: «а почему она поет?»

Потому что близкая родственница Махи. Ей я, правда, объяснила не так. Сказала, что не ноет, а просто называется так. Маха не очень поверила.

Таня бежит за уличным котом, останавливается, не добежав, и что-то кричит. Я догоняю ее, спрашиваю, что она ему сказала. Таня торжествующе: «я предложила коту себя!» Тот он так быстро удрал, соображает.

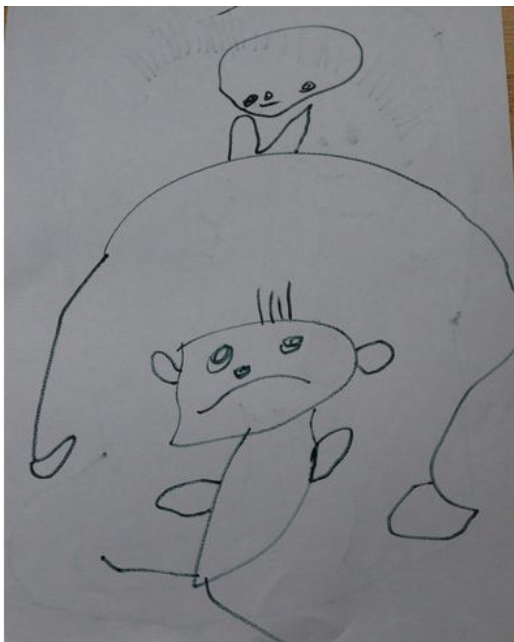
Таня: «почему собачка меня не обсобачит?» Потому что все окрестные собачки уже доведены до инфаркта таниными бурными проявлениями внимания.

Маха, обнимаясь: «ты коровка, а я теленок!» Очень приятно побыть коровкой.

Маха обнимает папу: «я тебе голову натягиваю!»

Папа: «на что?»

Маха: «на глаз».

Натянуть сову на глобус. У нее получается.

Маха папе: «не танцуй!»

Папа: «Почему?»

Маха: «потому что ты же не людь».

Папа: «а кто я?»

Маха: «папа!»

Это из серии – родители не люди.

Маха: «дудь – это когда кто-то дует». Как объяснить детям, что объяснение, начинающееся со слова «когда», неправильное, если сама сплошь и рядом все объясняю им именно так?

Маха пытается укунить папу: «как хорошо, что ты оказался вкусный!» Ну это кому как. Махе хорошо, а папе не очень.

Дети смотрят книжку с картинками, там змея нарисована. Маха: «Танечка, а это уж или гадюка, скажи пожалуйста?» И Таня авторитетно: «это гадюка». Ни та, ни другая ни разу не видели живых змей, только на картинках.

Таня: «я царевный петух». Спрашиваю у нее, что это значит. Таня: «это когда кто-то царевный». Исчерпывающе.

Таня: «лошадь и лошадемок». Хорошо хоть не лошадиха.

Таня: «мама, закрой печеньки, чтобы не хватали их мы». Таня не имеет силы сама бороться с искушениями.

Маха: «мы разговариваем, уйди». Строга, сил нет.

Таня: «дикий петух золотой гребух». Гребух, я так понимаю, гребешок, но чтобы побрутальнее звучало.

Маха: «хочу разбить гитару!» – речь об игрушечной гитаре. Маха почему-то произносит это слово с добавлением буквы «н».

Таня: «не надо разбивать гитару, я ее клювиком починила, потому что у меня в клювике гитарные инструменты».

У Тани в клювике любые инструменты. Когда ей был год, она профессионально развинчивала новый бизиборд, и мы потом находили гаечки и винтики прямо в своей постели и бледнели от ужаса, потому что Маха в то же самое время пожирала все, что плохо лежит – как, впрочем, она это делает и сейчас. Но тогда она могла подавиться этим с гораздо большей вероятностью. В четыре года Таня отвинтила какую-то гайку от массажного стола в кабинете лфк, и если бы ей не запретили продолжать, она бы разобрала весь стол еще до окончания занятия. Профессионал, что с нее взять.

Таня: «обезьяна у Айболита щастная».

Маха: «щастная?»

Таня: «да, потому что он ее вылечил».

Кому как не им об этом знать.

Вытираю Таню после ванны, а Маха еще плавает. Кричу ей: «Маха, ты там не утонула?» Таня рассудительно: «нет, она не утонет. Дрозд – водоплавающая птица. И петух тоже». Дрозд и петух – это Маха с Таней из сказки про кота, дрозда и петуха. Образы оказались настолько прочными, что уже

почти два года активно используются в прежнем значении.

Маха в магазине смотрит на кассиршу и говорит: «а почему тетя недовольная?» Тетя сразу стала оправдываться, что она просто устала. Ох, Маха.

Маха: «бизон. Кто такой бизон?»

Таня: «это такая кошка хищная».

Таня без затруднений объяснит что угодно, и таким тоном, что даже совершеннейший абсурд покажется логичным.

Маха: «что это котик сделал?»

Отвечаю: «проскакал».

Маха: «проскакал? Он же не тушканчик».

А вот у мамы не получается так объяснить, чтоб поверили.

Дети едят чернику. Маха взяла очередную ягодку и говорит: «теперь твой ход, Таня. Бери любую какую хочешь». Соблюдая очередность. Все правильно и честно.

Таня: «покарусель меня!» Это значит покружи.

Маха: «хочу ударить комара в лоб. Чтоб ему было больно, и он рыдал». Нет, ну я все понимаю, комары достают, но вот чтобы так кровожадно...

Таня рассуждает вслух: «частенько... в частеньку – это когда чисто». Тогда уж «в чистеньку».

Маха сует пальцы в аварийный слив ванной. Таня в состоянии, близком к паническому: «не суй, не суй! Манечка, не суй, не надо!» Таня боится, что Маха утечет, или пальцы застрянут, а скорее всего, что эпично нахулиганит Маха, а не Таня. Вот это страшнее всего, да.

Маха: «мамочка, мамочка, Таня говорит, что гиббон – это фрукт!»

Уточняю у Тани, она: «гиббоны – это такие фрукты». Главное авторитетно заявить.

Маха папе на прогулке: «вези, вези двойняшек».

Таня: «почему двойняшек?»

Маха: «ты двойняшка и я двойняшка».

Так забавно, когда они про себя рассуждают.

Таня: «Манечка, почему ты написала в кроватку?»

Маха: «не знаю».

Таня: «почему не знаешь? Хулиганка. Как не знаешь?»

Маха: «никак не знаю».

Таня: «почему никак не знаешь?»

Допрос с пристрастием. Можно подумать, сама никогда не писала.

Маха рыдает и истерит: «я хочу делать скандал!» Хочу и делаю, в чем проблема.

Маха: «папочка, тебя твой компьютер ждет». Это вежливая форма «пойди уже отстань от нас», но папе это звучит музыкой. Дочка разрешила пойти к компьютеру! Чего еще надо для счастья.

Маха на прогулке: «смотри, какое красивое небо!» А оно тут и правда красивое – всегда. В любую погоду. Его здесь много.

Маха, слезая с папиной шеи: «ножку больно». И кокетливо добавляет: «об бороду укололась». Ах, извините-простите, надо было побриться тщательнее.

Таня: «зайка-побегайка, мышка-приголышка, а кенгуру-пригуру». Рифмоплет.

Мою Маху под душем, она: «мама, ты замучала меня!» Цель оправдывает средства, а жизнь сурова, увы.

Таня играет с Махой: «ты моя лошадка!»

Прерываю их игру, чтобы дать Махе лекарство. Таня: «ты зачем мою лошадку забрала?» Ну я же вернула сразу.

Таня: «мама, я нахулиганила».

Спрашиваю, каким образом. Таня хитро: «хулиганским!»

Не сомневаюсь.

Маха: «как называется лекарство?»

Отвечаю: «левомецитин».

Маха: «лево? А почему лево, а не право?»

Вот да, и правда, почему?

Маха разглядывает картинку в книжке: «это мальчик или девочка?»

Таня: «мальчик».

Маха: «да, наверное. Под капюшоном косичек не видно, значит мальчик».

Дети определяют пол по одежде и длине волос, и никаких компромиссов.

Маха: «Танечка, не бойся!»

Таня: «а я и не боюсь тебя».

Ну надо же было попытаться, вдруг боится.

Маха: «а пингвины не едят львов?»

Таня: «нет, только львы едят пингвинов».

Теоретически да, но они живут в разных климатических зонах, так что нет, не едят.

Маха ластится ко мне: «я буду тебя легонечко мучать».

Спасибо хоть легонечко. Но и на это надежды мало, Маха

свою силищу богатырскую совсем не рассчитывает.

Таня: «птичка-снегиричка».

Тут все ясно, снегирь это.

Маха мне: «похитить меня на ручки!»

С радостью.

Маха: «лягушки-пеструшки».

Таня: «ватрушки еще лягушки!»

Кто больше придумает.

Таня смотрит на вечернее небо: «в синий цвет перекрасилась темнота!»

Красиво, а главное – точно.

Маха хохочет: «Таня меня пугает, а мне это нравится!»

Ну это когда как, я бы на месте Махи не стала делать громких заявлений.

Маха: «мама, мне в голову пришла мысль!» Это гениально.

Маха: «Танечка, укуси меня! Ну укуси!»

Таня кусает.

Маха: «мама, меня Таня укусила!»

Классика жанра просто.

Таня играет: «у мамонта болит пузо. Или живот».

Таня его конечно вылечит. Лечили же они волка, напихав ему в пасть и пузо космического песка. Им в руки лучше живьем не попадаться вообще.

Маха: «я об диван помягчусь». И мягчится. Маха обо все мягчится – и обо всех.

Маха: «мама, пожалуйста, подОбри нас!»

Это значит, пожалуйть, поплющить и вообще поиграть в них.

Таня играет: «корова. Она молоко нам принесла из магазинчика».

Как-то не очень внятно я им объяснила, откуда у млекопитающих берется молоко.

Таня: «котику-боботику».

Маха: «а что такое боботик?»

Таня: «это такая вкусность. Котам нравится».

Это капли от младенческих колик, и вот девочкам они не помогли совсем, как и всякие другие. Поэтому у меня это слово вызывает дрожь.

Таня едет в коляске и поет: «Мы едем едем едем в далекие края, веселые соседи, счастливые друзья. Нам весело и дружно, мы песенку поем, а в песенке поется» – внезапная смена мотива и дальше: «в лесу родилась елочка, в лесу она росла...» Это ей на глаза попала елка, или так было задумано изначально – я так и не поняла.

Маха: «я уже старенькая, у меня все болит». И ведь правда все болит, а еще совсем молоденькая. ДЦП такая штука.

Таня дурачилась и уронила себе на лицо махин тугор. Ста-ла лупить себя по лицу: «я хлопаю себя по щечке, чтоб не болела!» Клин клином выбивают, все правильно.

Маха напоминает Тани про бал: «помнишь тра-ля-ля с людьми?» И все, теперь они иначе бал и не называют. «А мы поедем на тра-ля-ля с людьми?» Поедем.

Маха: «я гугленёночек». Это она имела в виду гоблиноночек, но гугленёночек еще атмосфернее, особенно имея в виду их компьютерного папу.

Маха: «у меня сил мало, я устала». И опять очень даже верю, а деваться некуда.

Маха: «жил на свете колобок скрюченные ножки, и гулял он целый век по скрюченной дорожке». Ох, непреходящая актуальность классики. Это же как есть про Маху.

Таня: «мааам! Включи свет. А то я не вижу, куда мне идти». Но загонов по поводу обязательного ночника у Тани вроде нет.

Таня играет: «свинка заразилась ангелочком и бобиком. А медведь не заразился». Наверное, это очень заразные болезни.

Маха: «мама, не мой меня, я поживу еще немного пока». И как объяснить ребенку, что мыться не смертельно?

Таня: «свинка-мясорубочник. Потому что она на мясорубке играет».

Потому что кто-то постоянно отжимает у меня мясорубку и играет на ней, не давая мне фарш прокрутить.

Маха: «корова не милая! Она мычит громко». Это был тот период, когда Маха еще боялась громких звуков.

Таня притаскивает горшок и садится: «я буду писать, катать и просто сидеть». Маха приползает к Тане. Таня: «что ты будешь со мной делать?»

Маха: «буду тебя пугать».

Таня: «ой, нет! Не надо пугать! Давай играть».

Маха: «ну давай поиграем».

Теперь Таня подыграла Махе и сделала вид, что испугалась ее. Правильно, надо сестру порадовать иногда.

Таня разглядывает мисочку, на ней нарисована собачка: «какой миленький бобичек! Я глаз на него положила» – и прижимается глазом к картинке. Все правильно – положила глаз. Буквально.

Маха: «на поле тетя Полли». Они так зовут мою подругу Полину.

Маха: «вагоновонятый – потому что воняет». Махина чувствительность к запахам переходит все границы. Она ни одного вагона не видела и ни одного вагоновожатого. Но стишок мы читали, да.

Таня сначала смотрела на костер в мангале, потом ела шашлык. Сидит думает, потом спрашивает: «а как дрова сделались мясом?» Это называется монтаж, дитя мое.

Маха в гостях: «я хочу приставать к дяденьке». Выбирает себе жертву и начинает приставать. Избранный безмерно польщен. Маха с самого рождения женщина.

Таня: «Отче наш – это папа». В общем да, связь прямая.

Маха: «не знаю».

Таня: «знаешь, знаешь. Ты уже большая, знаешь».

Они друг друга гораздо больше воспитывают, чем мы их.

И это к счастью.

Таня считает: «пятый, шестой, седьматый...»

Потом они научились произносить числа правильно, но этот момент был забавный.

Маха про картинку в книжке: «покажи кенгуру. И как случилось, что она фиолетовая?»

Художник так видел, наверное. Сложно объяснить на самом деле.

Маха, на вопрос, какого цвета ее новые ботинки: «знаю... не придумала еще, но знаю». А вот теперь и Маха сама оказалась на месте того художника. И речь опять про фиолетовый цвет.

Маха в ванне ноет в предвкушении душа. Говорю ей: «сейчас я тебя спасу!» Прибегает Таня: «не надо спасать, я хочу посмотреть!» Исследователь растет.

Раздеваю Маху прямо в ванной, она мне с укором: «мама, я в ванной в одежде, ну как так?» Непорядок.

Папе сделали прививку от гриппа. Девочки два дня переживали, было ли ему больно, не плакал ли он.

Таня: «я начала радоваться: о как мне весело!» И в подтверждение этого скачет как резиновый мяч.

Таня: «поросенок положил штаны вместо подушки. У него подушки, он же поросенок». Ну да, а штаны у него, конечно же, есть. И в самом деле есть, потому что это игру-

шечный поросенок в штанах, которого я купила себе с первой зарплаты.

Таня в ванне надела на ноги пластмассовые ведерки: «это копытца».

Маха: «ты что, коровка?»

Таня: «нет, я ослик».

И поцокала ими по ванне.

Таня закатила истерику, вопит. Прибегает Маха – ну как прибегает, приползает: «а кто это тут у нас плачет?»

Когда одна истерит, другая может присоединиться к ней, и тогда будет цунами на полчаса. А может прибежать и утешать, и тогда конфликт исчерпывается за пять секунд. Как избегать первого и поощрять второе, я до сих пор не знаю. Это пока что неуправляемая стихия.

Маха на занятии лфк говорит доктору угрожающе: «щас прибью бошкой!» Доктор повеселился. А на следующий день она без предупреждения попыталась реализовать эту свою угрозу, и доктора спасла только скорость реакции. Намерения у Махи полностью соответствовали заявленному. Она ведь и прибьет, без шуток.

Таня в ванне держит Маху за голову так, что та шевельнуться не может, и поит ее водой из игрушечного ведерка.

На вопрос, зачем она держит махину голову, Таня невозмутимо отвечает: «чтобы она не облилась». Ну да, в ванне-то это очень актуально.

Маха в кабинете лфк, указывая на массажный стол: «хочу вот тут лежать и балдеть». Все хотят лежать и балдеть, но работать тоже приходится.

Таня: «а почему у нас всех два? Два домовенка, два ангела, две летучие мыши, два зомбита?» И действительно, почему бы?

Маха утром: «у меня постель расстелилась!» Ну так, если ее расстилать изо всех сил.

Маха, опять на лфк доктору: «если будешь так делать, я буду грустить!» Не получилось прибить – надо давить на жалость. Маха неподражаема.

Маха: «я хочу, чтобы ты делала то, что мне хочется». И я хочу того же, а хотим мы разного, вот в чем проблема.

Таня в ночи вопит, вопит, вопит, потом замолкает, говорит: «всё». И идет спать. Четкая барышня.

Маха душит меня в объятиях. Говорю ей: «задушишь маму, и не будет мамы». Маха: «сдохнет!» Главное, что она без иллюзий.

Девочки внезапно: «нам надо братика». Сказала папе, он сказал: «только через мой труп». Когда я вспоминаю бере-

менность и первый год их жизни, думаю, что и через мой.

Таня Махе: «ты не можешь пойти за мной, ходунки не идут по лестнице, они же на колесиках». Таня изучила механику движения.

Маха: «там горит свет, значит я буду там играть с Таней». Как бабочки на свет слетаются и играют.

Маха: «Таня, помоги мне!»

Таня: «ты уже сама можешь, ты большая».

Маха: «нет, я еще немножко маленькая».

Очень удобно – когда надо, они большие, когда не надо, маленькие. Красота.

Маха: «чем это пахнет?»

Объясняю, что это танин горшок, но я его уже вынесла и помыла. Маха: «мне не нравится это нюхать!» Такая фифа.

Маха, заходя в прививочный кабинет: «я боюсь, что мне сделают больно». Боится, но безропотно идет и не выкручивается.

Таня схватила за подол с трудом балансирующую без опоры Маху и повалила ее: «я горилла Маню утащила!» Утащить Маху ей не под силу, а вот повалить это да.

Маха мне: «открой рот! У тебя стадо зубов».
Ну так я его выпасаю старательно.

Маха: «мои каки похожи на человечков».
Творческий подход ко всему.

Таня кормит Маху сушеными яблоками: «я Маню откармливаю. Ешь на здоровье». Маха счастлива гораздо больше, чем когда ест их сама.

Маха: «я проснулась и улыбаю маму». Правда.

Маха вылезает из-за стола, одну ногу вытащила, а другую не может: «мама! ВЫлезать вторую ногу!» Да, это она научилась делать совсем недавно, с первой попытки прошло полгода.

Таня легла спать с нами. Говорит мне: «мама, спи. Нет, не так, по-другому спи». Диктатор, сама ко мне пришла и диктует мне, как спать.

Таня: «я играю на воле, я пришла на волю, потому что ваша кровать называется воля». Если на ней скакать так, как Таня, то недолго эта воля проживет.

Таня: «закуталась я в одеяло, холод встает из-под стены». Главное, что она знает, что надо делать, когда холодно.

Вынимаю Маху из ванны. Она: «я глубоко вздохнула». Вдох облегчения, понимаю.

Маха: «нарисуй чудика зеленовова!»
Любит Маха чудиков всех цветов радуги.

Таня: «медведь кушает зефир. Это мед такой сладкий, липкий».

Близко к правде. На тот момент девочки еще не пробовали ни зефир, ни мед.

Таня: «пир горой. У зверюшек начался пир горой. Горы дома, значит». Дома горы еды. Красота же.

Маха лезет на кровать: «мама, пожалуйста, залезь меня!» Потому что у самой еще не получается. Но это она освоила быстро.

Говорю детям: «записала вас к окулисту».

Маха: «кто такой какулист?»

У кого чего болит, да.

Маха: «медведица надела штаны и стала медведем». Вот как это просто делается, переоделся и поменял пол.

Маха: «мама – птичка!»

Чик-чирик.

Таня: «дружба – это две курицы».

Маха: «а любовь – это тетя Люба».

Так легко и просто решаются сложные вопросы жизни.

Таня: «коровы это такие птички».

Маха: «коровы это такие животные с рогами».

Таня: «нет, это такие птички. Бывают такие птички».

Маха: «с рогами?»

Таня: «нет, без рогов. Такие птички».

Главное в этом диалоге – танин безапелляционный тон. И после того, как они обе все лето смотрели на пасущихся возле дома коров. С уверенностью можно отрицать очевидное – поверят же.

Маха рыдает. Таня сидит рядом и утешает ее: «зато мы вместе. Не плачь, Маня, зато мы вместе!» Это самое главное, согласна.

Маха мне: «чо такой халат полосатый надела, зебра?»
Какой есть уж.

Маха: «ах, как чудесно пахнет в этом доме повсюду!»
Ну я рада, что ей нравится.

Таня: «ты меня перекрести, у меня перепончатая лапа».
Это намек на то, что сама она перекреститься не может.
Внезапно перепонки выросли.

Маха: «это его мама поросиха».

Ну да, поросенок, мама – поросиха, что не так.

Маха топает ногой: «у меня в ноге ежик, и я его выстукиваю».

Ежиком называется ощущение покалывания в затекшей ноге.

Маха: «я крупно смотрела в ту комнату».

Маха умеет крупно смотреть, не поспоришь.

Маха: «бабуля повязала платочек, и слон стал слонихой». Это она на слона платочек повязала, конечно же. Опять – мгновенная и неинвазивная операция по смене пола.

Таня: «я немножечко побаиваюсь, когда темно, потому что не вижу, куда идти, и меня может съесть сова. Я побаиваюсь немножечко».

Главное, что немножечко. Тогда была осень, темнело рано.

Таня: «комплимент – это такой чепчик небольшой, средний». Таня спокойно составила бы словарь незнакомых слов, и получился бы новый язык.

Таня: «бодатые олени». Потому что бодаются, видимо.

Дети сидят с раскрасками. Маха: «мама, смотри, Таня так рисует отлично!»

Таня: «да, я художник хороший».

Главное, чтоб без ложной скромности.

Маха: «ты мягкая!»

Таня: «нет, я теплая».

Это из серии: не путай теплое с мягким.

Маха: «мне очень мило в этом доме».

Мне тоже.

Таня в ответ на бабулино замечание: «я хочу, чтобы у тебя не было голоса!»

Ну да, век бы тебя не слышать типа.

Маха на лфк: «я плачу и сердюсь!»

Правильно, Маха, бей на жалость, это вернее.

Маха: «мне в голову пришла мысль».

Таня: «а мне в голову пришла трясогузка с дроздом».

Невозможно более верно охарактеризовать их умственную деятельность.

Зашли с девочками в квартиру, потом встретились с подругой, та вручила детям подарки. Спрашиваю, что из по-

дарков понравилось им больше всего. Маха: «квартира». Вот великий практик, сходу видит самое существенное.

Таня: «кенгуренок, сказала кенгуру, ты мой родной». Кенгуру игрушечная у них есть, а кенгуренок варьируется.

Маха, испугавшись звука перфоратора и затыкая уши: «у меня уши охрипли». От перфоратора-то еще бы. У меня тоже, а я не страдаю такой непереносимостью громких звуков, как Маха.

Таня, нежась: «мама, я тебя никогда не побаиваюсь». Хорошо, у меня и не было задачи всех напугать.

Таня: «я боюсь тени сзади. А впереди не боюсь». Так не оглядываясь, и нет проблем.

Таня Махе: «не ной. Ничего страшного, мы справимся». Вот да. Главное – не ной.

Таня: «двоинки. Это когда две. Это мы». Двоинки!

Маха: «я не ударюсь, я человек крепкий». С полным правом может это сказать, потому что многократно проверено.

Маха с важностью: «мой доктор Константин Сергеевич».

Ей гордо, у нее свой доктор.

Маха: «тем временем я делаю то, что мне хочется». Иногда и такое бывает, да.

Таня смотрит на голубую и розовую игрушки: «голубое небо, а розовый закат». И звали их так некоторое время – небо и закат. Поэты.

Таня, глядя на Маху в тейпах: «Маня зебра!» Потому что полосато.

Маха, при снятии тейпов: «мне больно! Мне больно! Это значит больно». Я потом научилась снимать не больно и не больно. Но не сразу, да.

Маха: «я шагаю как связанный человек». Говорящий образ, и тогда она шагала именно так.

Маха во время Войта-терапии: «прогнать доктора!!» Маха, Маха, никого нельзя прогнать из его собственного кабинета. Можно только уйти самой, но и это не судьба, когда ты маленькая, и за тебя решает мама. Детство это суровое время. Терпи. Но зато какой эффект от этой терапии!

Таня: «учись, Маня, долго, очень долго, у своего доктора».

Маха: «я буду хорошо учиться!»

Таня: «учись, чтобы было прикольно. Я умею, и ты учись».

Вот это правильная мотивация. И Маху очень убеждает.

Таня: «мама, научи меня плясать». Говорю ей: «ты же умеешь». Таня: «нет, научи меня по-человечьи. Я умею по-звериному». Совершенно верно.

Таня: «так сложилось исторически». О да, именно так все и сложилось.

Маха: «Таня сначала сказала: не могу, а потом: могу. Таня молодец!» Маха понимает суть вещей.

Маха: «тут никого другого нет. Только ты и мы». Прозвучало слегка угрожающе – надежды нет, тебе никто не поможет. Дети грозенькие.

Маха, услышав, как меня спрашивают на улице, почему дети едут в коляске: «я еще не умею ходить. Но я научусь!»

Девочки выглядят сильно младше своих четырех лет, да еще едут в коляске, что тоже молодит, и люди, задающие такие вопросы, не осознают их драматизма. Не для меня даже, мне не впервой – а для Махи. А вот услышав такой ответ, начинают осознавать – выражение лица меняется мгновенно и радикально. Ну а вы как думали?

Таня: «у лисы неудобная кровать, наверное, потому, что там крошки, или она кашу пролила, или галеты крошила, наверное». Лиса – это я, все из той же сказки про кота, дрозда и петуха, но галеты мне в кровать крошила Таня.

Я села за руль впервые при детях. Таня первые 10 минут орала просто на визг. Когда я с непривычки с трудом вписалась в поворот и сказала ей: «будешь орать – в кювет улетим все», Таня уважительно примолкла. Через пару дней совсем привыкла. Но еще время от времени спрашивала: «а в нас никто не впилился?» А это как повезет.

Маха: «мне нравятся макароны, кажется». А мне даже не кажется, ради макарон Маха даже котлету забывает.

Таня: «котенка зовут никак». Никто и звать никак. Прямо грустно.

Таня: «мы пойдем на лфк, вдруг запляшут облака». Облака не знаю, а мы с Махой точно попляшем.

Дети едят авокадо. Таня: «мама, а мы тебе не достанем?»
Это она так беспокоилась, достанется ли мне. Заботливая.

Дети играют. Таня: «они водят хоровод то так, то сяк».

Маха: «а то и так и сяк».

Именно.

Маха: «мне трудно сидеть. Потому что я устала сидеть так, как мне надо». А как ей удобно – так категорически нельзя. Ничего, привычка все меняет, теперь уже и как надо тоже удобно.

Таня: «почему упала?»

Маха: «потому что бежала быстро с закрытыми глазами». Это Маха так творчески переосмыслила свое падение.

Таня: «дельфин и кит говорят лягушке: ты земноводная, а мы просто водные».

Я в ее возрасте таких слов не знала.

Таня: «я как голодная гусеница: все жру да жру».

Только гусеница толстела, а Таня нет.

Маха: «Таня говорит, она больше не будет!»

Это ничего не значило бы даже тогда, когда Таня в самом деле так сказала, а уж если это Маха за нее ручается – тут ничего не значит вдвойне.

Таня: «муховая тряпка. Потому что от мух». Все верно.

Таня долбанула Маху об пол. сама долбанулась следом радостно. Иду ругать Таню, Маха: «нет, не ругай! мне нравится быть долбанутой!» Адекватная самооценка залог успеха, однако.

Таня: «а когда мы снова родимся, ты достань домовят». А вы собирались еще раз?..

Дети слушают «Одинокую птицу» и переживают, что у нее нет птенцов и гнезда. Спрашивают, почему она одинокая? Что разбиться вместе, их не напрягает.

Влияние искусства на неокрепшую детскую психику труд-

но переоценить. Как убедить ребенка, который только учится ходить, но прекрасно понимает ситуацию, идти и не бояться? Дать послушать «Воздух». Теперь из одного самолюбия идет – потому что верит в себя.

Едем с детьми в машинке, темно, иду 100, они болтают, Маха все громче, громче и уже ерзает и пинает водительское кресло. Говорю: «Маха, потише!» Ноль эмоций. Таня ей: «Маня, тише!» Таню слушается моментально. Постепенно опять раскочегаривается. Я: «Маха, мешаешь рулить!» Ноль реакции. Таня ей: «Маня, разговаривай не с мамой, а со мной!» Тут же стала разговаривать с Таней тихо. Ну хоть кого-то слушается, уфф.

Таня играет в доктора, благо пациент всегда под рукой. Берет у Махи анализы (спасибо, пока не по-настоящему); на предложение взять у себя отвечает: «врач не может брать анализы сам у себя!» Предлагаем ей: «пусть Маня у тебя возьмет». Таня уже с недоумением: «больной не может брать анализы!» Логично. Делает Махе перевязки. А чтоб не зря перевязывать, сначала хорошенько ее укусит. Маха даже не пищит, а принимает как должное: «да, Таня меня укусила, но сейчас перевяжет!» Клиника на дому, во всех смыслах

Маха тоже дружит с логикой.

– Маня, пойдём ходить по улице?

– Да... но там падать больно!

– ты будешь в теплом костюме, он смягчит если что, я тебя буду страховать, ты не упадешь. Пойдем?

– Пойдем. но это больнее, чем прививочка.

– Что больнее?

– Падать больнее.

Человек знает жизнь.

Дети растут спартанцами. Приехали на прививку, Таня бежит по машине и прячется, Маха ее оправдывает: «она боится, что будет больно». Спрашиваю: «а тебе не будет?» Отвечает: «а я потерплю». В кабинете Таня дорого продает свою жизнь, держать вдвоем приходится. Вопит: «отопнуть доктора!» Опасная работа у врачей вообще. Маха ждет своей очереди совершенно спокойно, уже убедившись на собственном горьком опыте, что отопнуть доктора не получится, и надо прямо смотреть в лицо судьбе.

Таня: «мы раньше жили у тебя в пузе. А теперь ты поела, и нам туда не залезть». Вот сейчас обидно было! Особенно с учетом того, что, судя по весам, я скоро исчезну.

Маня: «а что там в пузе было интересного?» У кого бы мне спросить?

Маха идет, покоряет снежную целину. Таня: «Маня, иди, не бойся! Просто загляденье!» Умеет качественно подбодрить. Но и правда, загляденье.

Таня: «я беру у Мани анализ. Просто у вас же нет иголок. Иголочками больнее» – и впивается Махе в руку всеми зубьями. Нормально, что. У Махи уже все руки, как будто она в волчьей стае живет.

Маха Тане: «зайчик-побегайчик!» Таня: «я не зайчик. Я человек. Девочка Таня». Маха тоже: «почему ты говоришь котенок, я же девочка».

Маха проявляет сознательность не по возрасту. Все танины вопли и истерики находят в ее лице благодарного зрителя. Маха тут же: «дайте это Тане! Таня, бери!» – даже если спорный предмет изъят из-за того, что Таня им лупила Маху. На все замечания Тане, чтобы она не мешала, не хулиганила и не делала Махе больно, Маха тут же возражает: «она не мешает, не хулиганит, и вообще мне нравится!» Все воспитательные стратегии разбиваются в прах.

Одно мгновенье равняется 0,0001 секунды; другими словами, это тот самый промежуток времени, который проходит между тем, как загорается зеленый сигнал светофора, и махиным воплем с заднего сиденья: «поехали!!» Зато точ-

но знаем, что с восприятием цвета у ребенка порядок.

Таня Махе: «Маня, не бойся! Ничего не бойся!» Всем совет хорош, только Тане самой бы ему последовать иногда.

Маха научилась не ныть. На вопрос: «готова идти?» всегда стойчески отвечает: «да». Максимум, скажет: «я совсем устала духом». Начинаю ее уважать.

Таня борется с искушениями по-своему: «мама, убери телефон! Убери его подальше, чтобы я его не хватала».

Плановый медосмотр показал, что дети норм. Почти. Главный вопрос: «почему они такие мелкие?» Мой ответ. «так удобнее» не устраивает. Но главное, детские ответы всех устроили. Психолог Махе: «как тебя зовут?» «Маша». «А как твоя фамилия?» Маха заигралась в машинки и не отвечает. Психолог подсказывает: «Ю...» Маха, не поднимая головы от машинок: «гова».

Таня на просьбу стоматолога показать прикус выдвинула бульдожью челюсть. Врач сказала, прикус в норме.

Таня специфически понимает общественную собственность. «Это наш пингвин, общий. Я тебе дам на минуточку». Маха не против. Но ее кротость распространяется только на Таню; никому другому не стоит и надеяться.

Маха: «вообще-то метроном это хищная птица». В каком-то смысле верно – некоторое подобие метронома трещит над ней, чтобы она шла побыстрее. Похоже на намек, что я ей уже мозг проклевала.

Таня: «я боюсь, когда Маня смеется. Маня, засмейся!» Л – логика. Но Маха и правда смеется частенько как в фильме

ужасов. Хохо.

Дети любят, сказав что-нибудь, добавить: «воскликнула я», «восхитилась я», «ответила я». Видимо, любовь к изящным оборотам речи наследуется как доминантный признак, потому что это у них от прапрабабушки, которая старше их на 135 лет. И тоже маленькая была.

Маха: «мама, ты молодые люди. Девочка!» Как радостно это слышать, особенно в тот день, когда прибавился еще один год. Маха здорово умеет утешить.

Таня: «Маня добролюбная. Потому что она добрая, и ты ее любишь». Точнее и не сказать.

Маха, пытаясь вылезти из-за стола: «на передние лапы я вставала неуклюже». Ничего, зато на задних отлично получается.

Таня, носясь по всему дому: «у меня моторчик там внут-

ри, в попе. Маааленький такой, как будто его нет. И он гудит, и мне страшно бежать. Специально страшно, чтобы нужно было лететь над полом». Отдать ей должное, она-таки слетала разок. Моторчик в попе у нее совершенно точно есть.

Дети экстремалы. Едем по ночной окружной, Маха: «я кнопку нажимаю, чтобы машина летела». Раньше только танину дверь приходилось блокировать, теперь махину тоже, кнопки она нажимает. Едем 100, говорю: «куда тебе еще быстрее лететь?» Маха: «домой! Быстрее давай!» Ходила бы так, а.

Еще лучше, когда сзади раздается душераздирающий вопль: «утенок упал! Мама, подними!» Вот прям сейчас, ага.

И страшное дело немного отклониться от знакомого маршрута. Таня ничего, а Маха: «мама, ты почему не туда едешь? аaaaaa!!» Или еще лучше: «мама, поворачивай уже, вот сюда давай, почему мы проехали? Нам же не туда, нам сюдаaaaa!» Задача объяснить ребенку про разметку, которой особо и не видно под снегопеском. С легким ужасом предвкушаю разговор про дорожные знаки.

Таня на дороге осторожнее и реалистичнее: «мама, а ты никуда не впилишься?» Но и ее машинки радуют: «смотри, грузовик вместе с нами едет!» Да и не один, чего уж там.

Весело с ними ездить.

Показали детям самолет, идущий на посадку. Таня: «так не бывает! Он неправильно летит!» Зато красиво.

Маха отодвигает тарелку: «мама, я поела!» Таня: «Ешь, Маруся! Возьми вилку и ешь!» Маха покорно берет вилку и ест.

Причесываю Маху, она вопит. Таня: «тише, Маня, терпи». Причесываю Таню, Маха: «аааа, ей больно!» Таня после собственного призыва к терпению молчит и терпит. Зарождение последовательности.

Маха: «мама, я не буду галету. Положи на стол». Кладу. Таня тут же подходит и отдает Махе свою: «на, Маня, лапками держи и кушай». Понятно, держит и кушает. Против Тани не пойдешь.

Таня тискает Маху: «ты сестренка и я сестренка!» Обе хотят.

Таня: «мама, а ты умираешь?» Говорю: «да вроде нет, а почему ты так решила?» Таня: «ты уже давно у нас живешь». Ох, неужели настолько?

Обе спрашивают: «ты что, болеешь?» Говорю: «ну так, слегка». Маха: «а что у тебя болит?» Таня: «а ты нас не заразишь?» Они не разные, а прямо противоположные.

Девочки играют: «ребеночек заболел, и его забрали в больницу, а мама волнуется и плачет». Интересно, откуда эта проекция коллективного бессознательного? В их жизни такая история закончилась, когда им было 2,5 месяца, и ничто не показывало, что они хоть что-нибудь о том времени помнят. Все другие больницы, поликлиники и медцентры – только вместе с мамой.

Маха тыкает игрушечным шприцем в маленького плюшевого зайца: «я дала зайчику шприц, и он пьет». Хорошо хоть не зонд. Прямо вечер воспоминаний. Из шприца они и правда пили, но давно.

Показала девочкам фото, где Таня учится ходить. Буря восторгов: оказывается, это не врожденное умение, Таня тоже училась, значит и Маха может научиться! Таня, прыгая по холлу: «я гуляю. Когда Маня научится так же, мы будем гулять вместе». Маха, шагая: «да, я научусь и буду тоже гулять, а когда устану, сяду отдохнуть на ковер». Главное – трезво оценивать свои силы, да.

Маха стоит в кроватке и отпускает бортик: «мама, смотри, как я балансирую!» Говорю: «смотри не упади». Маха: «когда я чувствую, что сейчас упаду, я хватаюсь за перила!» Осознанность 80 lvl.

Маха громко страдает от нетерпения в ожидании завтрака. Таня: «Маня, не вопи, сейчас все будет».

Маха что-то жует. Спрашиваю, что ест, она: «я ем волосы. Таня из меня выдрала и дала мне». Ох ты ж добрая сестричка!

Таня, разглядывая календарь с Финдусом: «мама, а Фин-

дус не боится своего хозяина?» Я: «а ты меня не боишься?» Таня, посмотрев на меня внимательно и подумав: «иногда боюсь». Неплохо. Боишься – значит уважаешь.

Папа отчалил в больничку. Предупредил их накануне. Скайп, телефон, все средства связи к нашим услугам, но это не помогает. Девочки: «где папа? А когда он вернется? Он что, больше не вернется?!» Маха так вообще переживает очень, днем еще ничего, а вечером...

Зато на западе по вечерам светится Венера. Девочки смотрят в бинокль и утешаются. Пять лет назад она так же светила

Дети сгрызли последние бутылочные соски. Ну, в принципе, давно пора. Дать им пить из нормальных чашек нельзя, я такое наводнение уже видела и больше не хочу. Дала игрушечные чашечки объемом 15 мл. Пьют из них с восторгом, потому что: «это же игрушечные чашки! Из них же нельзя пить!» До меня начала доходить старая истина, что детей мы можем научить только тому, что умеем сами. А если мама умеет только радостно нарушать правила, чего ждать от детей?

Таня считает: 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 3010... или снова 20, 21... Маха еще проще – после очередного десятка

начинает громко называть то число, до которого мы с ней договорились, что она стоит. Но когда я до него досчитываю сама, она не просекает и стоит дальше. В общем, математике тоже не мне их учить.

Таня: «а почему Маня не умеет ходить так же хорошо, как я?» Новая постановка вопроса. Раньше было просто – почему не умеет ходить. Но вот идет же, и даже не падает, когда мимо проносится Таня. Маха, слушая наши с Таней рассуждения о том, что и Таня раньше не умела, а научилась, и Маха научится, и будем вместе гулять и все такое, с тревогой спрашивает: «да, научусь и будем гулять, но в колясочке ведь тоже можно будет? И отдыхать я буду?» Ее реализм зашкаливает.

Ну и конечно: «почему нет папы, как это он сегодня не придет, он что, никогда больше не придет?!» – с самым натуральным страхом. Таню накрывает утром, Маху вечером. Фото, видео, пожалуйста, вот вам папа – нет, это конечно все весело и мило, но где папа-то? Вот что значит никогда не уезжал. Это что же мне придется делать, если на защиту поеду? Их с собой брать? Будет сразу автомат.

Маха: «кто такие крокодилы?»

Таня: «это такие африканские животные».

Маха: «а какого они цвета?»

Таня: «ну, бывают зеленые, бывают рыжие, желтые...»

Маха: «а фиолетовые?»

Таня: «нет, фиолетовые не бывают».

Я так подумала – а правильно же все.

Маха идет. Таня со сдержанным, но совершенно непри-
творным восхищением: «как ты нормально ходишь, Ма-
ня! Не падаешь даже! Иди, Маня, иди». Маха сама от се-
бя в изумлении. Таня под впечатлением от махиных новых
способностей простерла свою благосклонность до такой сте-
пени, что сама отдала Маха свеженайденного в игрушках
Смурфика. Небывалая вещь.

Маха: «а зачем вы учите меня ходить?» Я: «чтобы ты уме-
ла. Ты не хочешь уметь ходить?» «Хочу», – отвечает Маха
и идет. Хотеть значит мочь.

Девочки: «мама, а теперь ты что ли всегда за рулем?» Го-
ворю: «да, а вы против?» Не против. Им тоже нравится с ве-
терком. Дорастут до педалей, надо будет их посадить попро-
бовать. Если они раньше права не получают сами, судя по их
росту.

Таня за ужином: «мама, помоги мне доесть, пока не умер-
ла». Я: «пока кто не умер?» Таня: «я, от голода». Через
несколько минут, доев, Таня же: «мама, покорми Маню, а то

она умрет от голода». Прямо оголодали к ночи, можно подумать. Это Таня вплотную заинтересовалась темой, кто, когда и отчего умрет.

Маха сидит играет ремешком своей сумочки: «это аккумулятор. Я делаю аккумулятор». Я ей: «не надо аккумулятор, он работает. Генератор сделай!» Не сделала, ехать за ним пришлось.

Таня: «у меня там вообще-то нет моторчика. Я придумала сама». Спрашиваю: «где?» Таня: «в попе. Нет моторчика». Уже целый эпос про ее моторчик писать можно. Но мне все-таки кажется, что он там есть.

Маха, полувопросительно, полуутвердительно: «я смогу теперь везде бегать?» Ммм, сначала ходить бы везде. А так-то да.

Маха: «я умею ходить, но не знаю, как». Вот это просто надо брать как девиз и гравировать на фамильном гербе. Я умею, но не знаю, как. Я тоже. Во всем.

Рассказываю Тане в воспитательных целях, какая Маха плюшевая и милая, чтобы Таня ее не обижала. Маха слушает и сама умиляется: «я плюююсева!» А Таня с недоумением: «какая же она плюшевая? она кожистая!»

Маха Тане: «давай придумаем секрет!»

Таня: «у нас ведь нет никакого секрета».

Маха: «так давай придумаем!» Вот креативный ребенок, и ведь правда придумает. Боюсь.

Таня: «у меня болит лапка, сказал петушок».

Маха: «а что случилось, спросил дрозд?»

Петушок это Таня, дрозд – Маха, а я – лиса. Из сказки

про кота, дрозда и петушка. И так уже почти год. Кот, кстати, бабуля. Ладно, с этим все ясно, лиса приходит и всех растаскивает, но зачем Таня прикинулась самым беззащитным персонажем, мне совершенно не понятно.

Таня, услышав, что стол называется письменным: «почему письменного стола? На него что ли писают, мама?» Не, ну всяко бывало, конечно, когда на нем пеленальник лежал...

Маха, шагая: «я умею чтоль ходить?» Да, я сама с трудом в это верю.

Маха: «мама, покажи нам папу. Мы расскажем ему все, что сегодня произошло». Вечерний видеозвонок папе – теперь традиция не хуже книжки на ночь. Боюсь, они будут его требовать, даже когда папа вернется. А когда он вернется, их опять внезапно озаботило. То вроде забыли, а сегодня опять: «а папа на работе или в больничке? А когда он вернется?» Когда Махе мыли голову, она вопила: «папа, где ты?!» Можно подумать, он спас бы ее. Таня, уже ложась спать: «папа папа папа папа. Я зову папу». Ах.

Маха: «не могу дотянуться до облаков, они очень высоко!» И тянется все равно. Рискует дотянуться, особенно на крыльце, потому что делает она это, когда я ее несу, а она уже конкретно перевешивает меня. Помню, я еще три года

назад шмякнулась с ней в аптеке, потому что Таня потянула меня в ту же сторону, в которую отклонилась и Маха, сидящая у меня на руках. Фармацевты были в ужасе, а мы все трое хохотали как сумасшедшие.

Таня делает безопаснее. Берет метелочку травы и машет: «я подметаю облака!»

Маха мне: «я тебя чЕшу. Ты и так лохматая, я тебя причешу и без расчески». И лохматит еще больше. Ну спасибо, друг.

Таня: «я хочу выгнуть спину и перекувырнуться назад, кубарем». Отлично получается, кстати.

И пахнет весной.

Маха: «нет, проскрипела я».

Таня: «зачем проскрипела? Надо же говорить».

Маха: «потому что скрипучая девочка».

Нет, определенно, Маха обладает редкой для своего возраста способностью адекватной самооценки.

Дети усвоили довольно противную манеру – затыкать уши, когда им говорят что-то, что им не нравится. Слышать им это не мешает, но отлично подходит в качестве демон-

страции протеста. Начала Таня, Маха быстро переняла и дополнила – заткнет уши, а потом особенно вежливо спросит: «ты что-то сказала, мамочка? Я не слышала!» агтрххх.

Едут на санках. Таня: «Маня, держись крепко, крепко, изо всех сил! Держись как я. А то ветер!» Таня при своем весе имеет все основания опасаться ветра. Махе не страшно, она пренебрегает техникой безопасности и уже не раз вываливалась из санок на кочках. И не моргнув глазом: «ой, я выпала. Ничего страшного!» Логично – Таня залезает обратно сама, а Маху сажаю я. Разумеется, ничего страшного.

Таня колет Махе палец застежкой от ремня: «я беру анализ крови. Надо потерпеть. Терпи, Маня!» Маха терпит, потом говорит: «теперь надо забинтовать». Кто из них вырастет, врачи или маньяки? Хорошо еще, что реанимацию они не помнят, а то бы интубировали друг друга, чего доброго.

Играют. Таня: «давай пойдем гулять из дома в лес, вдруг найдем какую-нибудь опасность». Вот нейдет человеку. Потом она же про утенка: «он так устал, что упал». Вот это прямо очень знакомо. К вечеру я тоже.

Маха, шагая: «мама, я иду, а ты меня потом догонишь». Да, только сначала дам полчаса форы. Постоянно спрашивает: «я умею ходить? Это я хожу, да?» Да, да, вот это самое и есть ходить, осталось только в это поверить. Это, наверное, самый душещипательный момент реабилитации.

И всякий раз, когда слышат, как открывается дверь, обе: «а это не папа пришел?» И когда общаются с ним по скайпу,

велят ему ложиться в постель, «ты же болеешь». Правильно, а то что за дела вообще.

Катаясь с детьми одна, заметила интересную вещь – они ведут себя просто идеально во всех общественных местах, когда они только со мной, без папы, без друзей и родственников. Правило не распространяется на дом и те места, где они чувствуют себя как дома. А во всех остальных они слушаются даже не с первого слова, а с первого взгляда. Видимо, понимают, что бунт будет подавлен кроваво, поскольку на соблюдение прав человека времени и сил не остается.

Соответственно, Таня в прививочный кабинет шла своими ногами, и на напоминание Махи: «помнишь, как Таня тут боялась?» ответила: «я не боюсь. Я потерплю». Правда, непосредственно перед уколом благие намерения были забыты, и орала она ничуть не тише обычного. Брыкалась тоже как бешеная пума. Врачи сказали: «похоже, Таня характером в маму». И тут я задумалась...

Таня мучает игруху: «мам, он умеет закрывать глаза ушками, гиппопотам. Потому что он бегемот». Вот именно поэтому, да.

Таня: «гиппопотам набил своему сыну шишку. Чтобы он не хулиганил». А вот и секрет хорошего поведения! Хотя я

вроде шишек им не набивала. Пока.

Таня: «пчелка надела кочергу. Это такая кепочка, хвостик сзади, хвостик спереди. Ее надевают на ушки или на рожки и идут гулять». Взрыв мозга.

Маха нянчит зайца: «пии, жалобно пискнул он, пиии... мааааленький какой! маленький, не бойся!» То же с крысами: «какие они маааленькие, слепые!» И неважно, что глазницы у них на всю голову, все равно слепые, маленькие, и надо их пожалеть.

Маха: «мама, давай понежимся!» Плюшка. Тане гордость не позволяет так напрямую просить нежностей, но она всегда с радостью присоединяется.

Таня толкнула Маху, та больно ударилась. У Тани головокружение от махиных успехов, и оно мешает ей заметить, что Маха хоть и ходит, но еще очень неустойчиво. Зато у Махи наконец сдали нервы; прорывавшись, говорит: «мама, накажи ее!» Но долго сердиться на Таню она не может, и уже со смехом: «скажи ей: ай-ай-ай!»

При всем том Маха наконец в себя поверила. Уже сама говорит: «я умею ходить», и даже танины дикие прыжки ее больше не устрашают. На словах Маха совершенно по-прежнему во всем подчиняется Тане и все ей уступает, но смотрит

на нее иначе, не снизу вверх, а вровень. И вообще стала гораздо увереннее, буквально за несколько дней. Потрясающе.

Ну и Венера, конечно. Девочки: «большая! Она похожа на звезду».

Маха, поев, попив и отдохнув, лежит и театрально стонет: «я умру, умру, меня не будет – совсем». Таня, невозмутимо: «но зачем же кричать?» Вот и правда что.

Таня бежит вокруг Махи, Маха идет. Тане категорически не рекомендовано отвлекать Маху и мешать ей идти, и подкреплено убедительными мерами, поэтому Таня не толкается, не насккивает на Маху, а только нарезает круги вокруг нее на страшной скорости и говорит: «Маня, ты только не отвлекайся на меня! Иди!»

Машинку дети воспринимают как часть дома, да к тому же знают, что у мамы руки заняты, и поэтому кататься с ними тот еще экстрим. Таня уронила на пол новую игрушку и заверещала как ужаленная: «мама, подними!!» А поскольку я не бросила руль тут же и не кинулась ее поднимать, Таня заорала еще громче, стала пинать кресло и, как потом выяснилось, наполовину вылезла из ремней. На мой призыв к порядку Маха сказала невозмутимо: «мама, зачем ты кричишь?» И действительно, что это я.

Таня: «мама, не тормози! А то машинка качается». Конечно, она качается именно от этого, а не от таниных диких прыжков.

Маха, разглядывая плюшевого кота с физиологическими признаками кота: «а это что у него такое кругленькое? Почки? Яйца! Оо, там котятки!» Кажется, я дезинформирую детей относительно того, как размножаются млекопитающие.

Маха облизывает мячик. Спрашиваю: «вкусный?» Ответ: «нет». «Так зачем ты его ешь тогда?» Маха: «я его не ем, я к нему прикладываюсь, как к иконе». Рукалицо.

Таня смотрит в тарелку: «а почему капуста цветная? Она же белая». Вот кстати да, тоже всегда интересовал этот вопрос.

Маха: «слоны пищат некоторые: пии, пии, пии. А некоторые дудят: дуу, дуу. Вот этот некоторый, он пищит». Таня: «пчелёнок Ваня. Это детеныш пчелы». Так девочки объясняют мне очевидные вещи.

На прогулке: «мама, покажи зуб! А у меня такого нет? А у меня? А вырастет? А у тебя вырос? А мы тебя не боимся!» Вот это да! А для чего я его тогда растила?

А на улице настоящий апрель. Не помню такого февраля.

Маха (идет): «я игнорирую на каждый шаг». В смысле игнорирует мои рекомендации, это да, все верно.

Таня: «мам, были бы Таня, Маня, Аня и Ваня. Три девочки и один мальчик». Я в ужасе: «ты четверню что ли хочешь?» Таня: «да». Ой нет, я пас, теперь только если сама.

Маха, гордо шагая: «я иду просто прекрасно!» – и картинно падает. Не смотря на это, правда прекрасно.

Таня, услышав, что на улице дождик: «а дом наш не развалится? Ведь он из кирпичев». Вообще от дожда не должен бы.

Сажаю Маху в машину, регулирую ремни, пристегиваю.

Маха сочувственно: «трудно тебе без папы?» Видимо, это у меня уже на лбу написано. ДА!!!!

Дети решили отметить новолуние внеочередной истерикой с ровного места. Таня кидалась стульями и вопила: «мама, я хочу чтобы ты умерла!» Хохохо, не теперь еще. Маха подвывала в тон, но больше чтобы поддержать компанию. Изнанка идилических девочек.

Маха умеет менять свое агрегатное состояние. Все, кто с ней занимаются лфк и прочими реабилитационными мероприятиями, это знают – она может внезапно превращаться в жидкость и стекать на коврик, на доску и на руки того, кто ее держит. Даже когда ее просто несешь. Была твердая Маха и стояла или сидела, вдруг стала жидкая и свисла. Как выяснилось, она сама прекрасно отдает себе в этом отчет. По крайней мере, в ванне она с ужасом вопит: «мама! Не вытывай пробку!» Мне стало интересно, и я спросила ее, чего она боится. Отвечает: «я боюсь, что утону!» То есть она боится не утонуть в полной ванне, а утечь в канализацию через сливное отверстие. Оригинально.

Таня, выпустив пар, бывает особенно благодушна. Ложится ко мне приластиться: «а я тебя не раздавлю?» Иии!

Занимаемся на доске Бильгоу. Девочки: «а где у нее

мозг?» У доски. Мозг. Я их сильно разочаровала, сказав, что мозг вообще-то должен быть у них, а не у доски. Но на доске он нарисован, так что можно считать, что у нее тоже есть.

Спрашиваю Маху, настоящая она или игрушечная. Маха: «игрушечная». Спрашиваю Таню, какая Маха, Таня говорит: «настоящая». Себя Таня тоже считает настоящей. Маха на это, не задумавшись: «ну, мы по-разному говорим». Дети на пятом году жизни наконец осознали себя отдельными друг от друга.

Таня: «это таксорог. Потому что на носу рог, а ушки, лапки, хвостик и мордочка таксины». Справедливости ради, животное действительно странное и больше всего похоже на таксорога.

Маха: «это крокодил».

Таня: «нет. Крокодил – это огромная большая злющая с зубами африканская ящерица. А это динозавр». По-моему, идеальное определение крокодила. А динозавр по этой логике маленький и добрый.

Маха идет и смотрит на меня: «у тебя глаза не круглые, а узорчатые. Двуугольные бывают? Вот у тебя двуугольные». Маха вообще, как выясняется, большой мастер изысканных комплиментов.

Таня: «я послушная девочка. Я слушаюсь». Особенно если перед тем отчебучила что-нибудь неопишное. Ну, или планирует отчебучить в ближайшее время.

Маха теперь не спрашивает, умеет ли она ходить. Она спрашивает: «а я хорошо умею ходить?» Прекрасно – без преувеличения. Даже светскую беседу вести успевает.

Таня, когда мы начинаем заниматься с Махой всякими упражнениями, иногда проявляет гражданскую сознательность: «Чтобы я вам как-нибудь случайно не помешала, я

пойду вниз». Иногда не проявляет, конечно. Тогда бывает громко.

Маха бесстрашный экспериментатор, когда дело касается еды. Пробует все и просит добавки. Таня отказывается, по собственной воле оставаясь в контрольной группе: «вдруг Маня покроется прыщами?» Маха, съев кусочек апельсина, гордо: «прыщи не пойдут. Я уже выросла!» Таня, которая тоже жаждет вырасти, на подначки вроде «а ты что, маленькая?» не ведется и просто говорит: «да, а я маленькая». Одна папина дочка, другая мамина. Все верно.

Папа приехал наконец. Девочки его облепили и стали рассказывать ему самые свежие новости. Маха со второго слова обеспокоенно спросила: «А тебе сказали, как дома вылечиваться? У нас йодомарин есть, можешь принять». Заботливый ребенок.

Маха колдоваха. Недели три назад на коляске лопнуло колесо, и девочки пересели в санки. Потом колесо починили, снег сошел без следа, едем в коляске, смотрю – второе колесо с грыжей, тоже вот-вот лопнет. Маха: «ничего, на санках поедем!» Два дня назад это звучало издевательски. Сейчас пророчески.

Таня, глядя в зеркало: «мама, моя морда как конфетка. Я

хочу увидеть, как я закрыла глаза!» Боюсь, затруднительно будет.

Маха, зарывшись лицом в мою юбку: «я уткнулась в мамину шерстку». Называется – почувствуй себя зверем.

Таня носится по комнатам, периодически подбегая к идущей Махе и чмокая ее: «я ее поцеловала, потому что люблю». Милота. Маха, что удивительно, от этого не теряет ни равновесия, ни скорости.

Маха, разглядывая алюминиевую канистру: «видишь, тут кот Саймон!» Ничего похожего на кота Саймона там и близко нет, но он ведь висит в нашей машинке. Похоже, Маха красиво намекает, что машинка – ведро.

Таня (в ванне): «я плаваю по краям, чтобы в середине не утонуть. Потому что в середине глубоко». Вообще везде одинаково, но по краям так по краям. И ведь в самом деле плавает.

Маха стоит, зову ее идти. Она: «с какой ноги начать? С правой? Я понятия не имею, какая правая!» При том, что она лучше меня знает, какая правая, какая левая, и с какой ей удобнее начать. Хитрющая.

Маха ноет своим коронным жалобным голосом: «мама! На рууучкии!»

Таня: «не говори так, иначе придется дать тебе подарок. Вот, держи и больше не скули» – и несет Махе игрушку. Потом: «надо Мане дать еще подарок. Держи и не кряhti». Кажется, пора мне учиться у Тани тонкостям обхождения с Махой.

Маха, разглядывая железку, скрепляющую комоды: «что

это такое на шкафу напиндюрено?» Пожалуй, возьму это словечко в свой активный словарь.

Таня: «мама, я даже глаза выпукла».

Маха равнодушно: «потому что грыжа».

Юный диагност.

Маха: «подстриги наволосо». Это типа налысо, но чтоб волосато.

Таня: «докториха – это жена, вообще-то, врача». И возразить нечего.

Интерес к медицинской теме неисчерпаем. Таня рвется присутствовать на папиных перевязках и смотрит, затаив дыхание. И спрашивает про каждое мое действие, что я делаю и зачем. Я уже их боюсь.

Маха увидела варенье на краю тарелки: «тут грязь!»

Таня: «ты что, каша чистенькая».

Помню, совсем недавно Таня возражала против варенья в каше. Они так быстро меняются ролями, что я не успеваю привыкнуть.

Маха увидела у дедули шапку со шнуровкой и хохочет: «дедуля, у тебя шапка из ботинка!»

Таня не утруждает себя элементарными навыками самообслуживания. На замечания говорит: «ну я же девочка. Вот вырасту, стану взрослой тетенькой и буду сама». Боюсь, тогда уже немножко поздно будет.

Несу Маху по лестнице. Она: «а разве я не иду ножками по лестнице?» Похвальное рвение, но в реале попробуй заставь.

Таня ест и комментирует: «скоро мы вырастем. Будем брать ножи и вилки». Что-то я начинаю опасаться их, и их планов на будущее тоже.

Маха: «почему лев Бонифаций, он блюет что ли?» Вот вообще же не похоже. Ну как так.

Таня: «это мне приснилось вчера, несколько недель назад». Своеобразное представление о времени.

Таня колет Маху игрушечным шприцем. Маха: «ой больно-больно!» Я не удержалась и показала Тане на Махе, куда правильно колоть внутримышечные. Интересно было обеим. Играть, так уж по-настоящему.

Рядом с Венерой теперь молодая луна. Если повезет с по-

годой вечером, можно поймать.

Таня, глядя в окно: «Мань, видишь, облака выплывают из неба!» Поэтично.

Маха: «это шалтай-болтай – видишь, шалтается и болтается». Интересно, шалтается – это как?

Таня, колупая заусенец: «с меня кожа сползает». И правда ведь сползет, если так отковыривать.

Маха: «рентген это что? Крокодил Гена?» Трудно сказать, особенно с учетом того, что она увидела этот мультфильм мель-

ком больше года назад и завопила в ужасе: «выключи!» Рентгену больше повезло — с ним она знакома давно и никогда на него не орала.

Дети сочиняют сказки самим себе.

Таня: «Маня, расскажи сказку, как пингвин бухнулся».

Маха: «жил-был пингвин. Он бухнулся».

Таня: «а расскажи, как пингвин ел блин».

Маха: «жил-был пингвин. Он ел блин».

И обе хохочут. А вся соль в том, что пингвин реальный — на махиных столовых приборах черенок в виде пингвина. И если есть блин он может только при наличии блинов, то бухнуться способен в любую еду и даже питье, и это, конечно, ужасно смешно. Я уже обалдела воевать с пингвинами.

Таня в машинке: «мама, не гони!» И тут же, без паузы: «давай быстрее!» Быстрее не гнать или как вообще, осталось невыясненным.

Маха идет и пытается саму себя поднять и перенести: «не поднять мне саму себя! Ууу! Руки-то меньше!» Она думала, руками себя перенести легче, чем идти ногами. Хохо.

Таня: «у меня лапки-гусельки. Это значит маленькие очень». И правда, совсем воробьиные.

Принесла детям паука показать. Маха: «а хомяки едят пауков?» Маха жаждет получить хомяка-повторюшку и уже думает, чем его угощать. Она вообще очень гастрономически мыслит. У Тани при виде паука никаких идей насчет еды не возникло.

Таня: «пузырек – это такое растение. Лекарственное». При этом в руках она держала присоску. Их ассоциативный ряд – полная загадка для меня.

Маха идет: «я иду... иду... еду... Потому что еда. Есть хочу». Кому куда, а у Махи все дороги ведут к еде.

Таня: «цветы растут, растут и превращаются в папу. Ну, в маму сначала, а потом в папу. И вот всё». Все верно, дети – цветы жизни, а папа верхняя ступень эволюции.

Маха в ванне: «я сижу как хочу. Хочу – неправильно, хочу... а что ты молчишь, не говоришь ничего?» – это уже мне. Видимо, вечер без скандала – непорядок, и надо хоть сесть неправильно, чтобы закончить день с огоньком.

Дети не умеют использовать предлог «в» как предлог. Используют любые другие, а этот сливают с относящимся к нему словом. Я периодически уношу часть игрушек подальше, и это называется – игрушки в отпуске. Когда детям хочется кого-то оттуда вернуть, они просят: «достань из вотпуски». У Тани коронное: «я закрыла крышку вунитаза». Маха, придя в пункт выдачи Озона, спросила, оглядевшись: «это вазон?» Никакие уточнения пока не помогают.

Таня: «я бегу, и моя одежда развевается, а ножки топают: топ-топ-топ!» Да-да, и волосы назад.

Маха поужинала и сидит довольная: «пузико-то раздулось!» С одной стороны, радует – у ребенка наконец-то появилось пузико. С другой, главное теперь, чтобы оно росло не быстрее, чем ее двигательные навыки.

Девочки: «а где папа? Как на работе? Он же здесь живет». Вот и я про что. Но они сами считают медцентр, в который мы возим Маху, домом доктора. Что характерно, не всех вра-

чей, а только главного. Детям, кажется, открывается суровая правда жизни, что папы живут на работе.

Несу Маху на руках, она закапывается руками в мою голову: «какие у тебя пушистые волосы! Можно в них греться». Таня идет сама, невозмутимо: «а мне и так тепло». Хотя все наоборот вообще-то – Таня мерзляк, а Махе по жизни жарко. Просто Таня девушка гордая.

Выруливаю из двора на проспект, Маха мне начинает что-то рассказывать и показывать. Таня ей: «не говори с ней. Она за рулем». Ну вот, осталось только научить их не говорить о присутствующих в третьем лице, и воспитание можно считать завершенным.

Маха мне: «а зачем ты пойдешь к доктору? Что у тебя болит? Спина? А отчего?» Я ответила, не подумав: «от тебя». У Махи стали такие круглые глаза, что я поняла – за это меня долго будет угрызать совесть. Маха ведь не виновата. Пришлось срочно оказывать ей максимальную психотерапию. Вроде поверила и успокоилась. Этому конечно нет оправданий, но идет она теперь еще охотнее. Иногда.

Маха, услышав, как я сказала Ване: «будь другом»: «почему будь другом? Ведь папа же не друг. Папа наш отец». Одно другому не мешает. Но чувствую, скоро придется на каждое

слово сочинять им объяснительную.

Показала девочкам свеженаклеенные тейпы, говорю, смотрите, у меня крылья. Маха: «и как ты на них полетишь?» Таня: «а зачем тебе крылья, ты же не птица, а человек, ты же не летаешь». И потом Таня же: «а ты учишься и будешь». Мне кажется, у них здравого смысла уже больше, чем у меня. Но Таня больше Махи верит в невозможное. Маха знает цену своему хождению, а Таня нет.

Таня Махе: «давай играть в пугалки. Ты бойся, а я буду пугать» – и начинает демонически хохотать. Это они обе так пугают. Смех, кстати, действительно устрашающ. Прямо как из фильма ужасов.

Причесываю Маху, она: «ой больно-больно, очень больно!

Прекрати!» Стричься тоже отказывается. Ежедневная безысходная драма.

Таня в ванне, предвкушая мытье головы: «я буду бороться!» Ну спасибо хоть предупредила.

Таня умеет пугать не только смехом. Тыкает Махе в лицо игрушечную саламандру: «смотри и пугайся!» Маха послушно пугается, хотя саламандра вообще не страшная. Но Маха всегда подыгрывает Тане.

Дети узнали о существовании хомяка-повторюшки и загорелись идеей. Раньше он у нас был, но Маха тогда боялась только его вида и рыдала, находясь с ним в одной комнате, хотя ни разу даже не слышала его. И я так далеко его спрятала, от страха, что Маху кондрашка хватит, что не смогла найти. Новый хомяк вызвал бурю восторгов, хотя Маха еще опасается брать его в руки во включенном состоянии. Но выключенного так душит в объятьях, что он уже начал заикать-

ся.

Таня, тиская хомяка: «это найденыш. Но теперь он не найденыш, а мой сыночек. Маня, преврати найденыша в моего сыночка, а меня в его маму». Маха, по таниной логике, обладает таинственными супerspособностями. И с этим трудно поспорить.

Дети очень удивлялись, что хомяк так громко вопит. И после моих объяснений, что он просто повторяет их – о чудо! – начали говорить тише. Жаль, что эффект быстро прошел.

Таня: «Маня, спой песенку!»

Маха: «пам-па-рам слонопотам!»

Их это очень веселит.

Маха иногда идет без моего руководства и потом торжественно зовет: «мама! Я пришла!» И я совершенно искренне столбенею, а у нее на лице сияние – это надо видеть. Практически дальний свет.

Маха (делает упражнение, стоя на одной ноге): «я как аист». Аист конечно стоит сам, без посторонней помощи, но в целом и правда похоже.

Таня: «у лис есть курятник, где они едят петушков и ку-

рочек». Так и представила себе лис с собственным курятником. Удобно.

Маха: «как делают бутылки? Сначала прибивают, потом настраивают соску». И тут же мне: «ты записала, что я сказала?» Да, и запатентовала изобретение, а как же.

Маха на прогулке: «а почему голубь пьет из лужи? Это же некрасиво!» Но тут папа купил шаварму, и родители стали радостно клевать ее наперегонки, так что эстетический вопрос снялся сам собой.

Таня, отвечая на все вопросы относительно причин того или иного, или заканчивая какую-нибудь историю, говорит: «так уж». И от этого веет такой непобедимой предопределенностью. Так сложилось исторически, ага.

Маха: «а когда мы пойдем в школу?» Ааа, куда ты торопишься, неразумное дитя? А папе прямо маслом по сердцу такие вопросы.

Таня, носясь по дому: «ааа, вспомнила, тут три этажа!» Сосчитала. Скоро ступеньки на лестнице пересчитает, чувствую. И хорошо, если не затылком. Они уже интересовались, что такое сальто. Ох.

Снимаю с Махи тейпы. Она: «я сама их отчешу!» Более метко нельзя охарактеризовать то, что она делает с тейпами. Потом оттираю следы, спрашиваю: «не больно?» Маха: «немножко щипит, но я терплю». И потом: «отчистили? Теперь можно снова чесать». Мажу на нее тонну крема, который она радостно поедает прямо из тюбика или с себя.

Таня сочиняет сказки. Рассказывала историю про лису и овечку от лица лисы: «не бойся, овечка, я тебя провожу, я лесной зверек, не бойся. Мы с тобой подружки...» дальше я отвлеклась, а потом слышу продолжение: «лисе трудно съесть овечку целиком». Я в шоке: «как съесть?! Они же подружки!» Таня невозмутимо: «ну овечка это мясо». No comments.

Маха идет на улице, специально выбрали ей самый ровный и сухой кусок дорожки, но и там она углядела мокрое пятнышко и сразу: «там лужа! Как мне идти?» Она никак не может смириться с тем, что по улице тоже придется идти ногами.

Сажусь в машинку, папа еще не сел, ворота закрывает. Говорю девочкам: «ну, с Богом!» Маха очень строго: «куда без папы?» Без папы никуда.

Таня: «мне было немножко страшно, когда ты сильно по-

ехала, там, вначале». Говорю: «а сейчас?» Сейчас не страшно. Но я еду быстрее, чем вначале. Таня: «а сейчас давай еще быстрее!» Вот и пойми ее.

Маха: «это тукан. Как пеликан, только тукан. Вместо пи – ту». Ну что ж, осталось выучить, что пеликан пишется через «е», и уже можно в школу.

Таня тянет Маху за подбородок: «вот ты с бородой, Мань. Потому что тетенька Надя, наша знакомая». И обе хохочут. Но все наши знакомые Нади без бороды! Шуточки у них зверские.

Маха: «а где у цветка чашечка?» Вопрос продуманный, чтобы ей дали цветок в руки, и тут-то она его и съест. С трудом спасли.

Таня от лица одной игрушечной птички – другой: «иди сюда, давай со мной. С мужем, все приключения только с мужем». Так и выяснилось, что эти птички, оказывается, женаты. Однако, моралист растет.

Маха, одевшись в свой супер костюм, уточняет: «Адели или Одели?» Потом: «а почему тут рукава, это ведь жилетка?» Скоро буду к каждому разговору с детьми готовиться, как к лекции. Все им надо знать, что, зачем и почему. А аде-

ли – это ведь пингвины такие.

Таня впервые сама поднялась по лестнице в подъезде, на предложение держаться за мою юбку, как она это обычно делает, ответила: «нет, я сама, я уже большая, мне 4 года». Ну наконец до нее дошло.

Маха: «почему у меня носки дырявые?» Объясняю, что не дырявые, а ажурные. «Почему ажурные? Ажирал кто-то?» Маха сама специалист по пожиранию чего угодно, поэтому для нее мысль, что кто-то прогрыз носки, самая естествен-

ная.

Таня, опять озвучивая какую-то игруху: «ударила и сказала: это не больно». Вполне в танином стиле, да.

Отклеила свои тейпы. Маха с непритворным беспокойством: «тебе было не больно? А как же ты будешь без крыльев?» Заботливая.

Таня все противоречия и нестыковки в своих историях объясняет тем, что это же сказка, а в сказке может быть что угодно. Но когда папа читал ей Финдуса, она сказала: «курицы не могут сидеть и пить чай, они не могут держать чашки перьями!» И не волнует, что это вообще-то тоже сказка.

Тискаю Маху, она: «мама, мне туго! Обнимать надо нежно, вот так!» Правду сказать, Маха большой специалист по обнимашкам, ее мнение тут весомо.

Таня решила ночью поорать, видимо, сказались съеденные днем праздничные излишества. Села с ней на руках, жду, когда проверещится. Она вопит, вопит, потом замолкает, смотрит на меня: «мама?» Я: «что?» Таня с новыми силами «аааааа!»

Маха лежит в процессе надевания костюма и говорит так

нежно: «мама, я лежала, как дохлая!» И хорошо, что именно так. Все время боюсь, что она его тоже решит пожрать. Но его спасает то, что Маха очень чувствительна к запахам и все время все нюхает, а он пахнет резиной. И это не вызывает у нее аппетита. «Костюм пахнет, и от этого его трудно надевать». И точно, сложнее всего прицепить резиночки, так что трудности надевания и запах однозначно взаимосвязаны.

Таня сопереживает Махе, когда та ходит на улице. Дома уже никаких проблем, а на улице все еще страдания. Таня подходит к Махе и берет ее за руку: «петушок помогает дрозду идти. Иди! Петушок держит дрозда за крылышко». Поддержка, конечно, исключительно моральная, но Махе помогает.

Дети играют, слышу душераздирающие вопли, чаще всего махины: «мамаааа! маааамааа!» Прибегаю – «а, это мы играем». Ну капец вообще.

Таня: «мне скучно с одним зверьком» – отбирает у Махи второго и, опережая мой вопрос – «а Маня пусть поскучает немножко». Добрая девочка. Но Маха ей все прощает. Больше никому.

Маха: «тюльпаны красно-желтые, но в окне ночь, и поэтому они темно-красные и темно-розовые». Художественная

жилка прорезалась.

Таня Махе: «как ты здорово рассказываешь, даже помогаешь мне!» Ну да, основной рассказчик-то у нас Таня, а Маха бэк вокал.

Играют. Таня: «там никакой еды нету, только рыбка».

Маха: «тогда тебе надо рыбу ловить».

Таня возмущенно: «нееет!»

Вот прямо даже не знаю, кто из них практичнее.

Таня: «это утконос, а у него есть жена, ехидна». Такая жи-
за. Не нас ли она имеет в виду?..

Маха с недетской интонацией: «Господи! Господи, помилуй. Это будет суп с дровами». Вот уж воистину...

Таня: «я съежилась, потому что стала как ежик» – и лезет в махин пододеяльник. По мне, так она немного путает причину и следствие, но в пододеяльнике помещается идеально, и ее сроду там не найдешь.

Расплетаю Тане косички, Маха смотрит, скорбно сморщившись: «мам, ты больно делаешь!» Я: «кому больно?» Маха: «Тане!» Но Таня полностью безразлична к процедуре, а Маха прям вся скукожилась от сочувствия.

Таня: «клю-клю».

Маха: «а мне не больно, когда меня клюют! Клюнь еще раз!»

Даже знать не хочу, что они изображали в этот раз, но Маха доиграется со своими «не больно». Танины приколы выходят за пределы допустимого просто семимильными шагами.

Чем лучше Маха ходит, тем чаще практикует 20 раз позвать среди ночи: «мама, уложи меня поудобнее, мама, переверни меня на другой бок, мама, закутай меня!» Когда я дойду до должной кондиции и скажу ей – часа так в три ночи –

все, что я об этом думаю, она тут же обретает силы и умение переворачиваться и закутываться сама. Чудеса.

Таня любит оглушительно захохотать или внезапно заорать неважно что, желательно прямо в ухо, и потом с довольным видом резюмировать: «это было громко». Вот да, даже немножко слишком.

Маха: «а как делается пастила?»

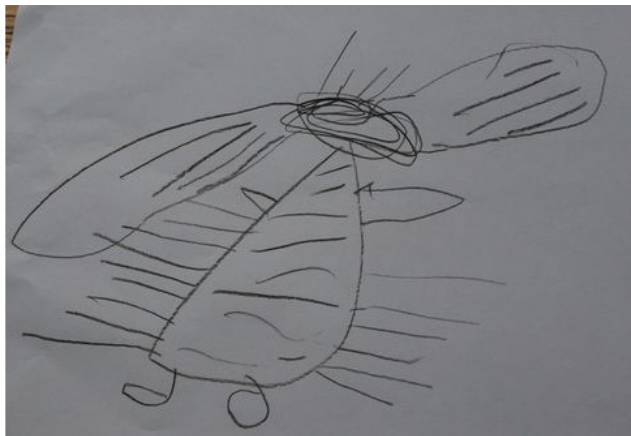
Таня: «никак. Ее дарят, и все».

Это они озадачились, потому что последний кусок съели. Захотелось узнать, как добыть еще.

Прихожу в комнату, смотрю – Маха больше обычного взлохмачена. Говорю: «опять волосья жрала?» Маха тут же бросается мне на шею: «я крепко прижала к себе маму и не хотела отпускать!» Замяла для ясности, в буквальном смысле. Что ты мама все о приземленном, когда я тебе о любви. Хо.

Маха, задумчиво: «почему из моего окна видна даль?» А ведь она никогда не слышала эту песню.

Таня, играя в летучую мышь: «ночью она заснула, а утром проснулась. Потому что все это сказка». Немаловажное уточнение.

Маха очень трепетно относится к своим хождениям в костюме. Сделали перерыв, она: «а почему сегодня без костюма? Мне в нем нравится. А завтра будем в костюме?» Говорю: «наверное, там посмотрим». Маха так положительно: «как доктор скажет, так всё и сделаем». Оо. У Махи появился авторитет кроме Тани. Наконец-то.

Сидят играют, Таня: «может быть и буду колоть. Это же прививочка. Я тебе сделаю больно!» Кровожадно так прозвучало.

Маха: «я знаю, кто такой парафин. Это такой зверек фиолетового цвета, его никто не знает». Пожалуй, все так и есть,

и Маха правда знает его не понаслышке. Ей раньше делали парафиновые аппликации на ноги.

Таня: «мама несла на спине тяжелую сумку детей». О да, эта картина Тане знакома не меньше, чем Махе парафин.

Маха мне с укором: «ты почему меня здесь одну оставила? Там собака лает!» Что характерно, оставила я ее не одну, а с Таней и дедулей, а собака лаяла где-то далеко за окном. Но все равно непорядок, да.

Таня: «я тут выпучила глаза и страшно зарычала: rrr!» Ну так-то это танино обычное состояние по жизни.

Девочки уложили хомяка-повторюшку в игрушечную сушилку для посуды, я прихожу, они мне: «мама, тише! Ребенок спит!»

Таня Махе шепотом: «давай беседовать».

Маха: «давай». И натурально, беседуют шепотом, изредка прерываясь, чтобы сказать мне: «тише, ты чего шумишь?» А я вообще молчу.

Таня смотрит на свое пузико: «какая я толстенькая под кофточкой!» Да уж, 11 кг живого веса. Толстущечка.

Маха идет: «хватит мне говорить, я сама знаю!» Ее возму-

щает, что я ей говорю, какой ногой и с какой скоростью шагать. Беда в том, что когда я ей не говорю ничего, она вообще останавливается. А так-то знает, несомненно. В теории.

Таня: «я Маню поглажу» и гладит Маху игрушечным утюгом. Таня верна себе.

Маха, только начав делать упражнения: «ых, полежать бы, отдохнуть бы...»

Мечтать не вредно, что тут скажешь.

Таня: «Мумми-Троль это такой зверек. Мумия и тролль». Представила и вздрогнула. Хотя что там, они обе под это описание подходят.

Маха: «а чего тебе Константин Сергеевич сказал, как сегодня ходить, без костюма? А почему всегда теперь без костюма?» – с неудовольствием. Потом прихожу, говорю: «Маха, доктор сказал, сегодня можно в костюме походить». У Махи сияние на все лицо: «пошли одеваться!» Таня подозрительно: «как сказал, ты что, сейчас у него была?» С такими детьми телохранителей не надо.

Таня: «все друзья рыбки лягут спать в кровати, а медуза будет спать на полу. У нее теплый жир, она не замерзнет». Представила себе теплую жирную медузу и решила, что пора

уже всем в кровати, точно.

Махе не спится: «мамааа!» Прихожу. Маха: «ты пушистая!» Милота.

Таня: «будем с Маней играть в прятки. Я спрячусь, а Маня будет искать. Когда научится ходить, как я». В другой бы раз я подумала, что далека песня, но сейчас смотрю – да это вопрос ближайшего времени. Можно сказать, уже почти. Круто.

Таня, заглядывая вечером в нашу комнату: «темная нора! Это спальня». Ну не такая уж прямо нора.

Маха: «я нашла голову Шалтая-Болтая. Она была синяя, деревянная». Страшноватенько.

Девочки собираются в гости, Таня: «я буду гоняться за мальчиками, и мы снова уроним елку!» Наполеоновские планы, вот только елку уже убрали. А то бы и второй пункт точно был выполнен. Они и так закошмарили собаку, поев, изящно вытирали рты скатертью, и если б дотянулись до занавесок, непременно в них высморкались бы. Леди растут.

Маха: «это что за машина?»

Таня: «это мой автомобиль».

Маха: «автомобиль или овтомобиль?»

Таня: «автомобиль!»

Не пойму, это в меня они граммар-наци?

Маха взяла привычку на любой вопрос или сомнение говорить: «я понятия не имею!» И еще с такой интонацией, типа чего вы ко мне пристали, откуда я могу знать.

Таня: «мам, перебубни!» Это у нее так звучит просьба повторить сказанное.

Маха идет: «мама! Преследовай меня!» Махе спокойнее,

когда я иду где-нибудь рядом с ней, и это вот так называется.

Махе попала в руки вешалка. Обычные пластиковые плечики. Вертит в руках: «кого бы повесить на вешалку? Оо, змея хочет быть повешенной!» И деловито ее вешает. Боже.

Играют. Таня: «они разломали червяка пополам, и в стаканчик натекло много крови. Он живой, но чуть не умер». Вот даже не знаю, порадоваться за него в такой ситуации или посочувствовать. Откуда они берут такие образы? Я им вроде ничего подобного не читала. Но судя по всему, к реальной жизни дети готовы.

Надеваю на Маху розовую кофту. Маха: «розовый дрозд стал, розовый. Похож на маленькую синюю птичку». Поэтично, и главное, так последовательно. Розовый, похожий на синего.

Таня: «я полезный! – сказал утенок».

Маха: «я тоже!»

Ну да, у них игры суровые. Вредными быть нельзя.

Маха: «Таня считает, что ванна – это самолет». Тут я вынимаю Маху и утаскиваю ее. Таня: «Маня будет из самолета выходить, а я лечу, лечу».

Наклонилась к Тане, когда она ела. Таня: «а ты не укутаешься в кашу?» Теперь буду знать, как называется, когда они в каше обе с головы до ног. Это они в нее укутались.

Поставила Махе музычку, чтобы ей было веселее заниматься. Помогло. Она вместо нытья, как ей скучно и надоело, стала танцевать. Ну, в той мере, в какой может, конечно. Причем подошла только итальянская попса. Под Pink Floyd она стала засыпать, а под Rammstein не попадала в ритм. Ну что ж, *senza problemi, senza paura*. Даже что-то помню еще, спасибо Данте.

Маха решила поболеть с утра. Врач пришла, когда Махе уже похорошело, смотрит ее, помяла пузико, спрашивает: «где болит?» Маха с важностью: «нигде. А раньше вот тут болело». Конкретная девушка.

Таня, видя, что Маха не ест, а пьет только, говорит настаивательно: «надо есть, а не пить!» Ну, Махе можно и не поесть немножко, не беда.

Маха: «лиса поднялась на колесо оборзения и оборзялась. Как будто она в колесе оборзения застряла».

Хорошая память у детей. Все в точности так и было, но только в октябре. И на колесо обозрения поднималась я – ну, лиса, все правильно – а оборзялась Маха. Орала так, как

будто я обратно не вернусь никогда.

Таня: «я вытерла мордочку своей пушистенькой лапкой. А другая лапка тоже пушистая, и задние пушистые, чтобы было тепло». Ну в принципе да, дети мохнатые. Но когда родились, вообще все были шерстяные. С белым пухом.

Маха по нездоровью была освобождена от физнагрузок. Но к вечеру нервы у нее сдали, она сказала, что здорова, потребовала надеть костюм и ходить, а потом: «мама, сделай мне растяжку!» Когда я отказалась, она села в позу лотоса и давай сама растягиваться. Никогда такого не видела. Потом сама зарядила себе упражнения, какие вспомнила. Вот это да.

Таня лежит нежится: «мама, мамочка! мне тепло с мамой. Мамочка, папочка, все рядом со мной. И с Маней». Квинт-эссенция детского счастья.

Маха утром: «а где папа?» Говорю ей: «в интернате». Маха: «в интернете? В планшетник что ли въехал?» Ну да, интернат, интернет, какая разница. Однако Маха максимально приблизилась к пониманию сути папиной работы.

Таня: «я не гном. Я человек девочка Таня». Нужное уточнение. Обычно гномьего в ней больше, чем человеческого. Но это хорошо, если она иногда сама вспоминает, что она человек.

Маха решительно берет свою реабилитацию под собственный контроль. Спрашивает, когда туда поедет, уточняет: «а мне тейпы не пора уже наклеивать? Я посмотрю, какого

они цвета». Идет в костюме: «а Константин Сергеевич сколько сказал в костюме ходить, 2 секунды или 10?» Эх Маруся, 10, и не секунд, а минут. Но она только за. И все упражнения делает за обещание вот сразу после них пойти ногами, можно даже без костюма, лишь бы идти. Кажется, вошла во вкус.

Таня: «Санта-Клаус обиделся и тыкнулся носом в землю. Получился дом, и там он жил». Ее сказки только Эшеру иллюстрировать.

Маха стала фантазировать, как ее подстригут – тема постоянно на повестке дня, она все время пытается саму себя налысо ощипать. Таня: «у лысых не растет борода!» Аргумент. Для Махи особенно.

Детям подарили совершенно музейных хендмейдовских лягух ростом только чуть меньше их. Они назвали их мистер и миссис Жабсон и спят с ними. Таня впервые не пыталась отобрать у Махи и присвоить себе сразу двух, потому что и одна в руках с трудом помещается.

Маха стоит: «мне надо приземлиться!» – и натурально, приземляется на четвереньки. Судя по всему, когда она стоит или идет, для нее это как для нас лететь.

Таня: «дроздятина – это мясо дрозда. Лиса не любит дроздятину». Это она, видимо, к тому, что я Маху не съем. Я нет, а вот Таня может.

Маха слышит, как ветер хлопает форточкой: «а наш дом не улетит?» Все потому, что на коньке у нас ветряк, похожий на пропеллер. Дети постоянно беспокоятся, что мы так и улетим в ветреный день целым домом.

Таня на площадке отказывается ехать с горки. Подруга ее подначивает: «ты что, трусишка?» Таня хладнокровно: «я еще маленькая для этой горки». Аплодирую ее умению

не вестись на подначки. В жизни очень пригодится.

Маха разглядывает шарфик на кукле: «он у нее закручен специальным образом». Маха готовый профессор. И фразы строит, как в диссертации, и принципиально зовет взрослых по имени и отчеству. Особенно доктора, ей прям нравится, и лучше всего получается.

Таня наконец-то выучила фразу: «спасибо, больше не надо». Правда, использует ее только по большим праздникам, но и то победа.

Маха ест мармелад, и ей не нравится: «это он незрелый потому что». Интересно, как она это себе представляет. Жаль, не спросила.

Расплетаю Тане косички, она: «сейчас расплечешь, и я буду спать. Начну храпеть. Хррр... хррр...» Я: «где ты научилась так здорово храпеть?» Таня: «в детстве, когда спала, а ты меня укачивала». Наверняка все именно так и было. Я ее укачивала как минимум в половине случаев во сне.

Маха в костюме: «космос!» И правда, сегодня ходила в нем – космос. Еще она решила озадачиться, почему у костюма нет юбочки, и вообще так заинтересовалась дизайном, что я опять начинаю опасаться за его сохранность. Только

не оттого, что она его слопаёт, а – разберет на детальки прямо на ходу. Следи за руками.

Таня играет: «а потом папа пришел с работы и стал долбить, чтобы детям было где спать». Больше не буду им дятла показывать.

Дети хорошо умеют жить в моменте. И мне теперь постоянно вспоминается легенда про св. Людовика де Гонзаго. Когда он играл в мяч, и ему задали популярный в то время вопрос, что бы он стал делать, если бы узнал, что через полчаса наступит конец света. Он ответил: «буду продолжать играть в мяч». Вот и я буду, тем более что дети все равно не оставляют выбора.

Таня: «когда я болела, я не кричала, что мне больно, и мне было не больно». Это реально ее метод борьбы со всеми неприятностями – сказать, что это приятно и она именно этого и хотела. Действенно, на самом деле. Маху бы этому научить, да только это врожденное.

Маха, на вопрос, как ее зовут, с хитрой моськой: «Мария». Так забавно выглядит.

Таня приходит ко мне, когда я лежу тихо подыхаю от их вирусни: «я закрою занавесочку, чтобы ты поспала. Спи, ма-

ма!» Потом: «я пойду на кухню и принесу тебе что-нибудь вкусненькое. Птичку хочешь?» Мне сразу от смеха полегчало. А птичка – это испеченные из теста жаворонки. Девочки их обожают.

Маха идет, предвкушает жаворонка: «а это настоящий жаворонок? Мясной?» Махе лишь бы мясо лопать. Но она и мышцы растит огого.

Таня: «доктор поехал в больницу, к себе домой». Интересные у них представления о доме.

Маха смотрит в окно: «радуга, мама, просто мечта! И ро-

зовые облачка».

Таня: «ты что, они же белые».

Ну прямо стихи и проза, лед и пламень. Радуги там не было, кстати. А вот облака и правда были розовые.

Маха любит обниматься и попутно изучает анатомию. Логично она докопалась до темы грудного вскармливания, и это ее теперь не отпускает: «а я сосала молочко? Дай сейчас!» Я: «нету». Маха: «закончилось?» Таня, не поднимая головы: «всё выпили». И ведь точнее не скажешь. Таню тема не занимает, она умела сосать только бутылочку, а у Махи здорово получалось. Но они же не помнят.

Таня: «у тукана жена была врачом, и он отправил ее жить далеко-далеко, и купил ей машину с докторским прибором, который втыкается концами в уши». Врачебная тема прямо неисчерпаема, только сюжет какой-то драматичный. Но стетоскоп даже по такому описанию узнаваем.

Показала детям их узи фотографии в 13 и 21 неделю. Думала, испугаются монстров, а они стали умиляться, особенно Маха: «какие мииилые, какие рууучки!»

Девочки сидят и разглядывают книжку, Таня по картинкам сочиняет рассказ. Подхожу, Маха: «мама, не мешай, ты так читать не умеешь, так только Таня может». Счастье-то какое. Еще весело прийти к ним, чтобы начать заниматься с Махой, а они говорят: «мы еще 10 минуточек поиграем!» Дети не будут доставать маму, если она достанет их первая.

Маха идет: «я очень люблю лежать в гамаке!» Все любят

лежать в гамаке, иди и мечтай.

Таня уже который раз спрашивает: «мама, а я такая же, как ты? Такого же размера?» Таня что-то о нас знает.

Гуляем, говорю: «дети, смотрите, какое синее небо!» Поднимают головы, смотрят, Маха: «синее! Как море. И птицы по нему плывут, как рыбы». Маха поэт. Еще и сказала так нараспев.

Таня: «Пойдем на реку! Я немножечко побаиваюсь здесь ветра. А у реки ни чуточки не страшно». Таня боится ветра панически. Чуть дунет, цепляется за меня изо всех сил. И правильно, ее легко сдует.

Маха: «а где зеленый?» (так называется игрушечный зверь, которого взяла с собой на прогулку). Говорю ей: «у Тани». Маха: «а я думала, что потеряла его навсегда». Мало того, что поэт, так еще и драматического жанра.

Таня играет, надела зверюшкам на морды кукольные валенки: «это наши намордники от запахов всяких». Не иначе, коллективное бессознательное сработало, потому что мы маски не надеваем.

Маха: «большой кусок мне не по вкусу». Важная такая.

Услышала про гимназию: «что это, далеко-далеко, где живут дикие звери, гимназия?» Как-то слегка апокалиптически прозвучало.

А вообще давно не было такого живого ощущения жизни. Ветер перемен.

Таня: «мама, а если бы ты тогда, давно, снесла не два яйца, а одно? Была бы только одна девочка, только я». Я: «а может была бы только Маха?» Таня: «нет, я». Маха тут же сидит и не возражает. Я уверила их обеих, что иначе и быть не могло, их могло быть только две. А ради одной я не стала бы и начинать это все. Как вспомню так вздрогну.

Маха дает мне игрушечного зайца: «это тебе подарок, зайчик. Рассматривай его, а я пойду работать – читать книжку». Маха деловая – сил нет.

Окружающие часто спрашивают, близнецы ли девочки, и сами решают, что да, они одинаковые. Таня, в очередной раз послушав это, потом говорит мне: «когда ты залезла на колесо оборзения, Маня вопила, а я совсем нет. Мы же разные!» Вполне себе доказательство. Разумеется, разные. Я бы сказала, местами прямо противоположные. Да и внешне очень разные. Но им тоже придется привыкнуть никому ничего не доказывать.

Маха прошла через весь кабинет медцентра к какому-то хитрому спортивному снаряду, который уже давно присмотрела, и стала его активно изучать. На все мои попытки спасти кабинет от разгрома говорит строго: «мама, не мешай, у меня очень важное дело!» Да уж куда важнее, действительно. Кое-как оторвала ее от этого, Маха пошла обратно, идет и бормочет: «10 миллилитров...» Я так поняла, в миллилитрах измеряется важность.

Таня играет: «страшный! Глаза горят, когти блестят!» Не знаю, что это за персонаж такой, но по описанию больше всего похоже на саму Таню, когда она в предприимчивом духе.

Прихожу утром одевать детей, а они сидят в махиной кроватке обе и играют. Маха: «мама, нет! Мы поиграем еще немножечко, чуть-чуть, 10 минуточек». Как-то очень плавно и незаметно кошмарность того, что их две сразу, сменилась кучей бонусов. Помню, когда они орали обе, а взять на руки одновременно можно было только одну, я просто садилась рядом и присоединяла свой голос к их дуэту, и ощущения были самые отчаянные. Зато сейчас они могут играть вдвоем час подряд, и потом еще скажут – мама, погоди, мы еще

поиграем. Просто мечта. Конечно, это не отменяет периодических казусов, когда надо бегом спасать одну от другой, но по сравнению с общей картиной это такие мелочи.

Маха ест: «а где макароны?»

Таня: «ты же их сама съела. Вон они, на дне».

Если бы так сказала я, Маха подняла бы вой, а Таню послушала и вернулась к тарелке. Красота.

Махе вообще очень нужен куратор в виде Тани. Ездить на машинке с одной Махой невозможно, она постоянно что-то мне говорит, требует ответа, «посмотри сюда, посмотри туда». Таня ее быстро к порядку призывает. Сама Таня к машинке относится серьезно, не отвлекает меня от дороги, и Махе не велит, беспрекословно идет на тротуар, когда высаживаю ее, и стоит ждет. Максимум, подойдет ко мне: «мама, я хочу, чтобы ты меня видела». И стоит в безопасном месте, но чтобы я ее видела. Это врожденное, я такому не учила.

Маха обнимается: «я держу одной рукой папу, другой маму. Ну что, куклики?» И растворяется в благостности.

Дети играют. Таня: «это Христос».

Маха: «а где нимб? Я в церкви видела нимбы».

Таня: «он еще маленький, у него не отросло».

Модернизированное богословие от детей. И главное, все логично.

Маха: «а мы сегодня без костюма? А завтра? А послезавтра? А когда же в костюме будем?!» Доктор временно отменил Махе костюм, и я ожидала большой драмы, а в целом обошлось. Маха конечно вздыхает иногда, что в костюме не ходим, но бунт не поднимает.

Таню зовут одеваться, она: «никакая я не Таня. Я петух. Кукареку!» Все равно одеваться пришлось, кричи – не кричи.

Маха: «а почему свинка в штанишках? Она же девочка».

Таня: «так, в штанишках, сложилось исторически».

Вот что получается, когда в семье 5 поколений историков. Но пришлось одеть девочек в штаны разок для профилактики складывания стереотипов.

Маха: «как твой комп называется? Ноутбук? Почему ноут, он ноет, что ли?» Гениальная этимология.

Таня: «когда Маня научится ходить, как я, ей можно будет так сидеть». Танино чувство справедливости ущемляется тем, что ей можно сидеть как угодно, а Махе нет. Но, боюсь, Махе некоторые вещи никогда не будет можно.

Маха продолжает контролировать свою реабилитацию: «а куда он мне тейпы наклеил? Константин Сергеевич?» Потому что тейпы в этот раз у Махи на спине, и ей не видно, а наощупь мало ли, может показалось, надо уточнить. И я всякий раз балдею от того, с какой важностью она называет доктора. Таня с ее подачи тоже начинает. Еще приучить их на Вы обращаться, и вообще будет красота.

Таня: «я несу мисочку для ракушек, специальную. Я их наловила в море». И правда, несет, только наловила не она. Это им привезли с моря.

Маха, разглядывая Робинзона Крузо на карте: «а это что за чувак с бородой?» Ваня пришел в отчаянье – мама, это твоя лексика! Ну а кто же еще научит детей плохому?

И теперь везде карантин, самоизоляция и вот это вот все. И то самое чувство, когда ждала от карантина кучи свободного времени, а по факту в жизни не изменилось ничего. Даже слегка обидно.

Маха: «чепчик – это такой зверек водяной?» Объяснила ей, что такое чепчик, она слегка разочарованно: «а я думала, зверек...» У Махи везде зверьки. Увидела тут квадроцикл на поляне, меньше 100 метров до него было, и как закричит:

«корова!» Как только снимут карантин, запишу ее к окулисту. С коровой там было очень мало общего.

Таня, услышав, как мы выговариваем Махе за хулиганство, прибежала и спрашивает заинтересованно: «а как она нахулиганила?» Видимо, берет на заметку, чего бы такого самой отчебучить в следующий раз.

Маха: «мама, налей мне смородинного вина!» Нет, я все понимаю, мы когда-то читали «Миссис Туфф», где упоминается смородинная настойка, а сейчас я делаю девочкам питье, разбавляя водой смородину с сахаром, но чтобы это вот так оригинально трансформировалось у Махи в голове, я уж точно не ожидала. Пора думать, как опеке это объяснить, когда Маха в общественном месте так скажет.

Таня схватила швабру и носится с ней: «я убираюсь. Это моя швабра!» Через минуту слышу: «и по воздуху проехала – вжик!» Понятно, ведьма – это тоже наследственное.

Мажу Маху кремом, она: «дай крем поесть! Пока ты мазала, я уплетала все сильнее и сильнее». И действительно, без шуток, уплетала. Не знаю, пантенола что ли ребенку не хватает? Причем перорально. Каждый вечер его лопают.

Таня в ванне надевает пластмассовые ведерки на руки и на ноги: «я так наряжаюсь – надеваю ботинки, варежки, и вышел бык. У меня варежки твердые, как копыта». Далее последовало сложное рассуждение о том, что копыта бывают разные – «бывают круглые, бывают угольные...» Ну, в ее случае они только круглые.

Маха: «а когда мы снова поедем к Константин Сергеичу?» Говорю ей, что через некоторое время. Она: «уже некоторое

время!» Скучает.

Таня: «там под пробкой в ванне кто-то пел. А потом она открылась, а там сидел кротик, мой друг». Воображение без границ.

Передаю Махе привет от доктора, Маха улыбается до ушей, жаль, сфотографировать не успела: «какой привет?» Говорю: «большой». Маха: «а где цветы?» Рукалицо. Нет, я конечно понимаю, что благовоспитанные барышни могут принимать в подарок только цветы и конфеты, а благовоспитанные барышни, которым мама не дает конфет – только цветы, но одно дело принимать, когда дарят, а другое – всякий раз подразумевать как должное. Они все никак восьмое марта не забудут.

Маха сегодня шокировала не только маму, но и папу, попросив достать с книжной полки «дерьмовочку». Отчаяние Вани безгранично. Но зато повод рассказать детям про английскую систему мер. Откуда ей знать, что такое дюйм.

Маха собирается гулять, Таня: «мне будет скучно без Мани! Мне нужна сестренка!» Кто бы сомневался. Две неразлучные.

Маха кинула чашку на пол, хорошо не разбила, и на мое

возмущение говорит: «она сама исшвырявилась!» И обои сами от стены оторвались и сами съелись, да. У нас уже все стены в стиле лофт, и я даже не заклеиваю дыры, потому что Маха безошибочно определяет свежие куски и съедает их в первую очередь.

Маха вопит в комнате, Таня подходит и аккуратно закрывает туда дверь, и объясняет: «я закрыла дверь, а то звуки очень громкие. А я не люблю когда громко». Но Таня не всегда такая непробиваемая, в другой раз она бросилась к вопящей Махе с плюшевой собакой: «подарю ей Тори, чтобы она утешилась». Что характерно, Маха мгновенно утешается Таней. Ах.

Маха утром: «мама, надень скорее. Мне ужасно хочется быть в этом платье, и только в этом». Одна радость – что ей в принципе хочется быть только в том платье, которое я ей достала, но мне удивительно, что ее вообще эта тема волнует. Что-то не помню, чтобы я интересовалась платьями до средней школы как минимум.

Таня: «хомяк – - это мышка, просто толстенькая и с коротким хвостиком». Таня великий классификатор.

Маха идет, оглядывается на меня и: «мама, давай иди за мной!» Еще так требовательно. Но она очень старается, и это того стоит, хотя она и без меня здорово идет. Но хочется, чтобы были зрители.

Таня идет со мной по лестнице: «я конечно же за тебя держалась, конечно же за юбку. У тебя же руки заняты». У Тани за время моих поездок с обеими девочками образовалась очень удобная привычка – идти, держась за мою юбку. Потому что Маху на одной руке уже давно не унесешь. Правда, иногда Таня пользуется этим приемом, чтобы утащить меня куда ей хочется, но пока не получается – все-таки весовая категория еще не та.

Таня одевает все игрушки. И получается очень дизайнерски. Маха тоже это знает и все одевания и раздевания поручает Тане: «она прекрасно одевает и раздевает!»

И еще радость, Маха все-таки увидела на небе радугу и даже назвала все цвета. И на вопрос, какого цвета небо, когда на нем тучи, отвечает: «белое такое, и облака в дымке». Романтика.

Таня: «а зачем вы так много занимаетесь на коврике Константина Сергеевича, ведь это же его коврик?» Не очень поняла суть претензии – видимо, занимайся мы поменьше, Таня не возражала бы, но коврику точно без разницы. Просто наши занятия отнимают у Тани Маху в самое продуктивное для игр время.

Маха балансирует на доске и, не удержавшись, падает. Я ее ловлю, она: «я немножко затруднилась». Вот уж воистину. Не пойму только, откуда у нее такой слог.

Таня во всех ситуациях рвется в эпицентр событий. Все ей надо видеть, трогать, и во всем участвовать: «мама, дай я тебе помогу!» У меня уже глаз дергается от этой фразы, потому что помогает Таня будь здоров. Уцелеют немногие.

Маха села обедать, зачерпывает суп и с возмущением: «это вчерашнее!» Хотела ей сказать, что это еще и завтрашнее, но они доели. Такое презрение к вчерашнему демон-

стрировала ее прабабушка, и я считала это оригинальным проявлением деменции. А вот и нет – оказывается, это характер.

Таня одевается гулять, натоптала кучу песка и говорит мне: «мы уйдем, а ты тут убирайся». Очень большой начальник.

Маха идет и комментирует: «я иду. В последний раз... из последних сил...» Драматизм момента зашкаливает. Впервые упала не Маха, а я – от смеха.

Не могу найти игрушечную крысу, спрашиваю у Тани, она не знает. Нахожу ее тут же возле Тани, она: «это же утконос, а никакая не крыса». Непостижимо, почему, но они переименовали двух крыс в утконоса и ехидну и считают их мужем и женой. У них все игрушки уже переженились.

Маха идет по холлу и радостно созерцает: «прекрасное солнце зашло». Смотрит в другое окно: «И включилось вон там. Там свет!» Сегодня она была в ударе, ходила во всех направлениях и хохотала, когда я ей запрещала подходить к папиной аппаратуре. Только потом до меня дошло, что ее так веселило – ей запрещали куда-то идти! Когда обычно только заставляют. Улет.

Таня: «а я приберусь, смотри, как грязно!» Правда, она верна себе, и пошла убираться вовсе не там, где ее попросили, но то, что она почти патологическая чистюля – факт. Я часто думаю, что они две – это один нормальный ребенок. Таня после каждой ложки еды требует салфеточку и аккуратно вытирается, липкие руки это ее персональный кошмар, и если она уронит что-то на пол, то срочно бежит мыть или выкидывать. Она даже падать научилась так, чтоб не дотрагиваться руками до земли. Маха ест так, что я потом вытираю ей брови, руки вытирает об обои или просто облизывает, предварительно окунув их в тарелку или чашку, ну и облизать пол – это прямо святое. Желательно там, где он погрязнее. И так во всем. Таня ест овощи, Маха мясо – вместе они съедают обычную порцию. Маха учится ходить ногами по полу, Таня бегает по потолку. Таню невозможно смутить ничем, Маха, садясь на горшок, велит всем выйти из комнаты: «не одевай меня! Не вздумай. Уйди пока». Может, и правда, это просто две половинки одной девочки? Даже их габариты наводят на эту мысль.

Держу Маху на руках, она: «а что это за косточки такие? Глючицы? Включицы?» Скоро она меня препарирует голыми руками.

Мыли детям головы, Таня вопила так, что нахлебалась мыльной воды до отсечки и потом искренне возмущалась

по этому поводу. Но когда я пошла мыть Маху, Таня тут же прибежала и начала ее инструктировать: «не трогай руками глаза, а то вода попадет!» Можно подумать, не она только что вопила гораздо громче Махи.

Маха мне: «уходи, я что-то плохое сделаю!» Ох уж эта незамутненность. Но она наконец смирилась с ежедневным причесыванием. Почти.

Таня прилезла утром ко мне в постель и разлепляет мои глаза: «давай поразговариваем!» Я в ответ: «мымымы... пойди к Мане». Маха тем временем из своей кроватки в другой комнате вопит: «где Таня?! Таня приди!» Говорю: «Таня, иди, Маха тебя зовет». Таня: «нет, она еще тихо кричит». Испанский стыд. Маха охрипла вопить уже.

Маха обнюхивает меня – она нюхает всех и вся – и говорит, сморщившись: «фырр! Чем ты мылась?» Вот сейчас обидно было.

Таня скачет по нашей кровати: «я хочу потанцевать на чем-то ужасно мягком, ужасно чистом». А мне танцевать при них нельзя категорически, они начинают сходиться с ума от восторга, и их потом невозможно привести обратно в чувство.

Маха в ванне: «мне надо чем-нибудь гнать волну». Ну, надо сказать, у Махи это и без специального инвентаря отлично получается.

Таня, уже вынутая из ванны, прибегает посмотреть, как плавает Маха, невозмутимо констатирует: «не утопла», и убегает.

Маха сидит за столом, ждет десерта и изрекает недовольно: «меня утомило это ждать!» Мои выпавшие на столешницу глаза так ее развеселили, что она утратила весь апломб.

Дети играют. Слышу, Маха: «принеси!»

Таня: «уже бегу!» – и натурально, бежит. Маха, кажется, только прикидывается всегда жертвой.

Таня прибегает ко мне: «Маня упала!» Говорю: «подними ее». Таня: «не могу поднять, она тяжелая больно». Даже не очень мечтаю о том времени, когда Маха научится сама вставать, потому что не верю, что она будет пользоваться этой способностью. Хотя я и в ее ходьбу не особо верила, а вот идет же. И уже совсем по-настоящему.

Маха: «а тейпы когда?» Неослабный контроль. Ну да, даром что ли она ходит целый день в поте лица.

Таня: «я даже запуталась под ногами. И всё путалась и путалась». Трудно сказать более точно. Таня такая маленькая и такая шептунья, что мы постоянно боимся на нее наступить. Ее вообще не видно, и при этом она может оказаться где угодно, иногда даже в нескольких местах одновременно.

Маха сидит на ручках и нежится: «чмок-чмок! А где у тебя кровь?» При этих словах моя кровь застыла от ужаса, конечно. Я еще с их реанимации опасалась, что частые переливания крови, и непременно самой свежей, привьют им вкус к этому. Ну вот оно и есть.

Таня тоже любит кровь попить, но не только: «когда я вырасту, я тоже буду картошечку с приправами!» Дали ей запеченое мясо, она оторваться не может: «люблю свинку!»

Маха стоит в кроватке и жует что-то. Спрашиваю, что она ест, Маха: «кроватку» – и протягивает мне жеванные щепки. Не знаю, сколько таких она реально съесть успела. Йог.

Дети играют. Таня: «возьми телескоп и увидишь прекрасную громкую комету». Надеюсь, она не на астероид намекает. Хотя, с другой стороны, почему бы и нет.

Маха: «бобрик похож на собачку. Боообриик! Мииилыый!» Потом на прогулке дала им по цветочку мать-и-маче-

хи, Маха: «он мохнатенький, как бобрик! Только он желтый, а бобрик коричневый». Ну да, и цветочек Маха потом съела, а бобрика еще нет.

Таня берет Махины щеки и растягивает их в разные стороны: «я сделаю из Мани лягушку». Таня определенно талант, потому что из Махи не так уж просто сделать лягушку, но ей удалось.

Маха: «чайки боятся упасть, и поэтому так кричат?» Получается, Маха отлично видит себя со стороны. И слышит. Потому что, когда теряет равновесие, она верещит точь-в-точь как чайки. Потрясающе.

Собираемся в лабораторию, прошу папу взять маски. Маха: «какие маски? Зачем маски?» Объясняю. Маха подумала и озабоченно: «мне будет неудобно разговаривать! Я не буду разговаривать» – грустно-обреченно так. Да уж, Махе не разговаривать – это и жить не надо. Но она зря переживала, папа маски забыл, а на месте их не выдали, так что наговорилась Маха всласть: «а почему нет масок? Как это забыли? А как же мы без них?» Это из серии: ученые выяснили, чего хочет женщина, но она уже передумала.

Таня в процедурном кабинете – это гладиатор на арене. Мы вдвоем с медсестрой не смогли ее скрутить, пришлось

звать папу. У медсестры оказалась хорошая реакция, а не то Таня оттяпала бы ей палец. И все эти дикие выходки сопровождались не менее диким воплем, который прекратился в тот момент, когда ей наконец попали в вену. Тут Таня замолчала и стала вращать глазами во все стороны. Я даже не знаю, что страшнее.

Маха хочет переместиться из кухни в комнату, но идти ей лень. Говорит мне: «донеси! Донеси!» Но нет, пришлось ей смириться с тем, что я не доносчик, и дойти самой. Было бы о чем говорить, она теперь этот путь преодолевает за две минуты, а помнится, раньше и 20 минут идти могла.

Играют, Таня: «глупенькие вы глупенькие глупенькие!» Ну да, и нередко.

Маха научилась взбираться на крыльцо по лестнице – держась за перила, конечно, и боком, приставными шагами. Но совершенно самостоятельно и очень быстро – топ-топ-топ, и стоит такая вся гордая наверху: «смотри, как я умею!» Минута славы.

Самоизоляция вообще никак не изменила нашу жизнь, и я сама не пойму, почему мне очень сильно хочется убежать в лес и стать партизаном. Наверное, потому, что в лес тоже нельзя. Не могу, когда нельзя. Смотрю, и Таня тоже не мо-

жет. Надо иметь это в виду, ей без толку запрещать, даже наоборот.

Маха после занятия на балансировочной доске: «болит стопа. Свод на пятке». Срочно пора начинать заниматься анатомией с детьми, даже лэпбук есть уже. А то еще, чего доброго, и правда свод на пятке образуется.

Таня вышла гулять: «это наш дом, в котором мы все живем. Большой дом! Очень большой!» Особенно по сравнению с Таней.

Маха едет в машинке по эстакаде: «какие сверху все маленькие!» Значит, все-таки видит более-менее. Но окулист все равно выписала очки, и Маха достала всех в оптике, когда выбирала: «фиолетовые! Только фиолетовые!» Выбрала самые фиолетовые из всех возможных. Что другое, а цвет и фасон – это Махе не фиолетово.

Таня играет: «ух ты! Еду принесли. Откуда это? – спросил бобренок Борька. Откуда это, откуда это, запрыгали от радости в восторге все зверята». Можно подумать, я детей не кормлю вообще.

Делаем с Махой растяжку, прошу ее дотянуться до игрушки и потрогать ее. Маха тянется, трогает, потом: «все, натро-

галась!» Выразительно.

Фотографировала детей в виде картин, Маха теперь при виде фотоаппарата говорит важно: «это фотосессия». И синяя надувная собака теперь официально считается барашком, потому что принимала участие в картине «Дети с барашком». Маха подвела под это научную базу: «это овечка. Собака-барашек значит что овечка».

Мыли головы традиционно с воплями. Таня смотрит, как Махе моют, и говорит: «от страха у Мани стали волосы темные». Типо поседела наоборот, получается.

Маха нежится и обнимается: «мамочка, ты нас молочком кормила! Я сейчас доем прямо через футболку!» С Махой опасно нежничать, а то она и правда доест, только уже не молочко, а мясо.

Зато Таня брутальна. Приезжаю с Махой от врача, Таня подбегает радостная. Спрашиваю: «скучала?» Таня не моргнув глазом: «нет».

Махины очки предмет Таниной зависти и вожделений. Таня: «я тоже хочу очки, зеленые». Пообещала в следующий раз ее тоже показать окулисту, тем более и правда смысл есть, и обязательно купить очки – если назначат. А пока Маха ходит невозможно крутая и сверкает окулярами. И за сутки не сломала, это почти невероятно. Я, правда, провела подробный инструктаж, но обычно это их не впечатляет.

Маха в очках видит все по-другому, стала даже аккуратнее есть. И когда идет, смотрит во все глаза и говорит: «опять волшебство!» Я еще не поняла, в каком смысле она это говорит, но уверяет, что ей удобно и лучше видно. Посмотрим.

Таня: «это человек из Америки, совсем из Америки. В очках». Не поняла, про кого речь, и почему именно из Америки. У Тани своя логика.

Дети внезапно оказались очень сговорчивыми в плане позировать для фото, и здорово повторяют выражение лица персонажа с картины. Правда, Таня иногда начинает смеяться в неподходящий момент, а Маха вообще невозмутима и серьезна. Как обычно – - мама и папа, да. Мне тоже всегда проблема сфотографироваться на паспорт.

Дети играют, слышу, Таня говорит: «он уже умер. Долго, очень долго прожил». Я спрашиваю: «кто это там у вас умер?» Маха: «вот ворон, ворона и воронята, их дети. А ворон умер. Их папа». Я утерла скупую слезу и пошла папу обрадовать. Он охотно согласился прикинуться мертвым и весь день лежать. Потому что выходной. В понедельник он живет всех живых.

Таня: «ворона поцеловала своим неострым клювом. Потому что в этой сказке у нее клюв не острый». Вообще-то у этой вороны объективно клюв мягкий, и вся она плюшевая.

Маха до невозможности деловая. Позовет меня или бабулю, что-нибудь ей нужно. Как только даем требуемое, она тут же: «ну теперь иди, займись своими делами». «Иди на кухню, бабуля». «Мама, ты пока иди оденься, отдохни, а мы тут поиграем». Особенно папа умиляется, когда Маха говорит ему: «папа, иди за свой комп». Так бы и слушал!

Таня, когда мы растаскиваем их после очередной потасовки: «а мы друг на друга не сердимся». И правда, не сердятся, но верещат так, что уши закладывает. Зачем тогда, казалось бы.

Маха носит очки с каждым днем все увереннее, и уже украсила стекла парочкой царапин. Талантливый ребенок. Следующие очки закажу с пуленепробиваемыми линзами и противоударной оправой. На мои вопросы, как ей в них, хорошо ли видно и удобно ли, отвечает всегда: «удобно, хорошо видно, нравятся». Но тут для разнообразия выдала: «глазное дно болит!» – и такую хитрющую морду сделала. Ну а что, небанально – болит не глаз, а глазное дно. Я даже не стала пытаться себе это представить.

Таня на прогулках кошмарит всех птиц, особенно голубей, потому что они пренебрегают социальной дистанцией. Носится за ними с воплями: «я охочусь на голубей! Надо поймать голубя, помыть его и съесть». Серьезно опасаясь, что как-нибудь она правда так и сделает. Радует, что она хотя бы помыть его планирует.

Распускаю Махе волосы, она закутывается в них: «ура! я сделаю платок». Еще немного, и получится Мария Магдалина. Или это мне уже везде картины мерещатся.

Папа тут читал детям «Зога и перелетных врачей», иду мимо, слышу: «сидит принцесса взаперти, и ей разрешено букеты делать, вышивать или глазеть в окно». Что-то опять остроактуальное. Но он приучил Маху заниматься под стихами, и я теперь тоже ей читаю все, что помню. Особенно заходит Гумилев. Даже Таня не убегает теперь, а остается с нами и просит: «давай про пантеру теперь! А потом рабочего. А потом прохожего». «Прохожий» это уже Цветаева. Только «пять быков» Тане категорически не нравятся, а Маха их любит.

Таня с ровного места: «аааааа! мы рожаем детеныша». И очень было похоже на то, заверещала она совершенно аутентично.

Маха лезет по лестнице на крыльцо – сама, это ее новая суперспособность, и она не упускает случая потренироваться. Но: «трудненько!» Еще бы. Но она молодец. Правда потом голодная как зверь: «нам 4 года, и поэтому нам надо по 4 котлеты!» Таня ей радостно поддакивает. Папа мимо шел, сказал: «а мне 34!» Но тут пришла бабуля – и, короче, столько котлет у меня нет. Но только зря они, Маха и одну-то в два приема ест, а Таня вообще половину Махе отдает.

Маха вечером: «я очень хочу лежать. У меня болят коленки, я устала бежать» – и с этими словами полезла на Тани-

ну кроватьку прямо в таторах, ни дать ни взять человек-паук. Мне кажется, или устала и коленки болят, или такая акробатика, но Маху не поймешь.

Собираемся в лес. Маха: «а вдруг в лесу дикие звери?» Таня добавляет: «страшные дикие звери». Убедила их, что страшнее и диче нас там никого не будет. Смотрели недоверчиво.

Таня идет со мной по лесу: «лес горит!» Это она, оказывается, солнце имела в виду. Правда, солнечно было. Зато в тени: «какая темная гуща... пуща... чаша!»

Маха играет в хомяка: «у него потроха мягкие». Маха знает это не понаслышке, потому что самолично разобрала его однажды на запчасти. Не думала, что смогу его реанимировать.

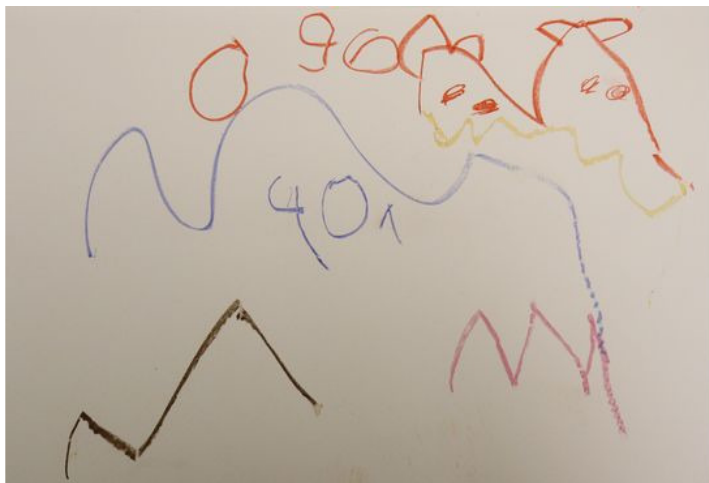
Таня: «он был послушный, но хулиганил». Это Танино самоопределение, не иначе. Она постоянно хулиганит, но при этом повторяет: «я послушная девочка, я слушаюсь». Так и живем.

Маха в лесу добыла сосновую веточку, и когда на обратном пути по машине распространился сильный запах смолы и хвои, стало ясно, что она ее жует и уже практически

всю съела. Потом, за обедом, я помогала Махе съесть котлету и слегка уколола ее вилкой – детской вилкой с закругленными зубцами – Маха при этом завопила так, как будто не она только что радостно лопала длинные сосновые иголки.

Вернули на место спортивный комплекс. Дети его не помнят, он был убран три года назад – хотя Маха и тогда уже обгрызала его. Таню от него не оторвать: «я играю в важные инструменты чужие». Говорю ей: «они не чужие, а наши». Ну, тут тормоза отказали совсем. Таня раскачала веревочную лестницу и кричит ей: «не качайся, штука! Не качайся. Просто подожди». Штука ведет себя предсказуемо – как Таня. Словами ее точно не остановишь.

Маха внезапно с озабоченным видом: «мама, а у меня сердце работает?» На мое уверение, что да, говорит: «а почему я не слышу?» В те редкие минуты, когда Маха сидит без ботинок и туторов, она берет свою ногу и очень внимательно разглядывает подошву. На мой вопрос, что она там ищет и вообще в чем дело, отвечает: «смотрю, как свод стопы формируется». Самоанализ – это махина сильная сторона.

Таня, когда я ее достаю из ванны, снимает пластмассовые ведерки с рук и ног: «я копыта скинула». Она ведь в них умудряется ходить по ванне и не падает.

Таня: «мне надо сделать важное и нужное дело!» Оказалось – покачаться на веревочной лестнице. Еле сняли ее с комплекса, чтобы уложить спать. Маха тоже к нему рвется: «я хочу посмотреть на танину работу!» Ну вот, отлично, теперь все при деле.

Маха смотрит на балансировочную доску: «мне кажется, что это черепаха. Как будто гребет!» И точно, полозья доски, поставленные под углом, напоминают плавники. У Махи

очень образное мышление.

Таня надевает себе на плечо кольца спортивного комплекса: «сейчас я померяю давление». Насмотрелась на бабулю с ее тонометром.

Маха раскачивает веревочную лестницу: «я тут играю в крикет!» Ну, если лестница прилетит ей в лоб, то может быть и получится крикет, но пока вроде везло.

Таня, зависая на разных снарядах комплекса: «мне хорошо висеть, сказал доктор. Потому что это упражнения важные и нужные». Таня ревнует Маху к повышенному вниманию докторов и хочет, чтобы ей тоже что-то прописали. Но на комплексе заниматься и правда полезно, так что я охотно подтвердила ее версию.

Маха карабкается по лестнице: «научилась, но трудненько!» Точнее просто не скажешь, это теперь ее девиз. На улице идет после долгих уговоров, зато по дому: «ура! я хочу ходить!» – и сама отрывается от опоры и идет. Иногда. И это просто невероятно круто.

Таня в ванне, опять надев ведерки на руки и ноги: «я бык!» – и в доказательство устрашающе замычала. Хотела отпугнуть меня, чтоб я ей голову не мыла, но нет. Маму ни-

чем не отпугнешь.

Маху изоляция достала не меньше, чем меня: «а что, теперь мы к Константину Сергеевичу не поедem?» Спрашиваю ее: «скупаешь?» Она так задумчиво: «да».

Таня лезет на подоконник смотреть звездное небо. Маха: «я тоже хочу посмотреть на звезды!» Потом: «я думаю свою думку. О звезде».

Раньше я не соглашалась с идеей, что лучше ждать и не дожидаться, чем найти и потерять. Даже когда дети были в реанимации, и было ясно, что никаких прогнозов, все равно я была рада, что они есть, и даже если бы – они были. Сейчас смотрю, как Маха радуется тому, что идет, и думаю, каким ударом для нее будет, если она это потеряет. Большим, чем если бы не ходила никогда. А ведь карантин это только частный случай такой угрозы. В общем, я сегодня по этому поводу в большом миноре. Маха, всегда очень чуткая к настроению окружающих, прилезла ко мне обниматься, нежиться и утешать меня. Смотрю на нее и вижу, что она не пропадет ни в какой ситуации, а ведь это главное. Хотя собственное бессилие очень угнетает. Самое трудное – когда ничего не можешь сделать, и надо просто ждать. Мы все это уже проходили, я думала, хватит. Тогда, конечно, было тяжелее, но они тогда ничего не понимали. Правда, в конечном счете

мы ни о чем не знаем, что будет завтра. Словом, я тоже научилась, но трудненько.

Маха: «трудненько, но ничего не поделать. Надо научиться лезть боком». Это она говорила о лестнице на крыльцо, но мне показалось знаменательно. Маха очень афористична, и эта ее фраза прямо отражает мое нынешнее мироощущение. Что ж, надо – научимся.

Таня: «олененок Лешка роет себе домик ушами». В роли олененка у нее собака, которую ей подарили на новый год, а заказывала Таня собаку-оленя. Вот и получился мутант. Зато удобно, может быть и собакой, и оленем, и кем угодно. Когда надо, у нее уши, когда надо – рога.

Спрашиваю Маху, с какими игрушками она пойдет. Она: «я размышляю». Спустя пару минут повторяю свой вопрос, Маха нетерпеливо, чего это я пристала: «это долго думается!» Мыслитель, еще бы.

Таня, мечтательно: «мама, потом я буду тетей Таней». Я от смеха не смогла даже ничего ответить.

Маха идет на улице и злится на меня: «ты вредина!» Бедная Маха. Сказала ей, что не повезло ей с матерью, и тем больше оснований учиться ходить – чтобы не зависеть от такой вредины. По-моему, ее это не особенно убедило.

Таня: «жил-был бык. Он съездил в гости к бабушке, а жена у него была корова». Спрашиваю, кто была бабушка, Таня: «тоже корова». Все правильно, не придерешься.

Плавают в ванне, Маха про Таню: «это костюм быка. Ведерки надела и бык». Ну, это мы все уже давно поняли.

У Тани оказалась суперспособность – она может бить себя пяткой в грудь. Совершенно буквально. Даже может ногами почесать себе уши. И сама от этого угорает.

Подарили им на Пасху докторский чемоданчик. Меня покорило то, что все предметы там деревянные. Дети встре-

тили его восторженно и сразу кинулись лечить всех своих зверей. Всем по очереди ставили градусник. Слышу, Маха: «укол надо потерпеть». Таня: «а я не терплю, мне больно». Похоже, Таня думает, что терпят те, кому не больно.

Ну и Маха опять перед сном потребовала показать ей звезды. Уже традиция.

Маха: «мне ходить, ура, хочется! Я хочу сама, ножками!» Вот уж точно, ура. Теперь мне не приходится говорить Махе: «пошли заниматься, давай ходить». Приходится говорить: «Маха, подожди, сейчас!» Ее же надо поставить. И она, встав: «а теперь говори мне: правой ножкой быстрый шаг, левой ножкой быстрый шаг». Хорошо, что ловить ее не надо – падать научилась профессионально. Если, конечно, мимо не пробежит коварная Таня. Но махин энтузиазм неугасим – даже и ударившись, поноет чуток, и снова: «ходить хочу!» Кайф.

Таня смотрит на солнечный луч: «пылька!» Пылища такто. Таня просто вежливая.

Маха едет в коляске: «гони! Гони!» Таня, ужасно недовольная, бежит следом: «обогнать!» Как это, Таня и не впереди. Но хоть не требует сажать ее в коляску.

Маха: «колготки это шмотки». Точно.

Таня: «у моржа моржата». Они постоянно пристают ко мне, как называется папа у таких-то зверушек, как детеныши. Вот вроде сами начали догадываться.

Маха: «мы работаем. Каждый своей работой».

Таня: «мама, мы заняты делом!»

Это такой намек прозрачный, что мол иди мама, не мешай.

Таня под впечатлением от диафильма на тему «ну погоди»: «волк заболел, и заяц давай его лечить: в зубы таблетку, одну, другую, уколы сразу делать, молоточком колотить...»

Маха: «легонько».

Таня: «то да сё».

Маха: «что то да сё?»

Таня: «так лечат».

Ну все, Таня готовый врач общей практики. Натренировалась на Махе.

Вынула Маху из ванны в полотенце, Таня пришла и тискает ее: «aaa какой кулечек! Маня кулечек». Маха кайфует.

Маха: «я легла, слипнула глаза и уснула».

Таня: «и тут Маха среди ночи услышала смех. Ха-ха-ха!!»

Ну, собственно, так каждый вечер и происходит. А хохот у Тани в таких случаях совершенно демонический.

Маха проснулась с челкой дыбом. Таня: «у Мани корона!»
Как-то это прозвучало неоднозначно, особенно если вспомнить наши реалии.

Маха схватила докторский чемоданчик: «понесу! Еще как понесу. У меня сил хватит». Ну, это потому что я несла ее. Когда она идет сама, чемоданчик нести ей не по силам.

Таня отсидела ногу, встает и начинает топать изо всех сил: «ёжик, уходи! Уходи, ёжик!»

Маха: «от неожиданности даже перекрестила ноги». Я от неожиданности даже не сразу поняла, что в ее случае перекрестила ноги означает – поставила наперекрест, что вообще-то категорически не рекомендуется.

Таня утром: «а где папа? он же был». Папа коварно убежал на работу.

Маха дорвалась до спортивного комплекса и стала раскачиваться на веревочной лестнице: «у меня супер класс! Мама, смотри!» И тут же: «мамочка, иди заниматься своими делами, а у меня супер класс. Крутой вапще. Так здоровско!» Откуда у нее такой выбор слов, не знаю, но и правда здоровско было.

Таня: «я мыла, мыла свои лапки пушистенькие, как вдруг надоело». Что тут скажешь, бывает.

Маха, вылезая из ванны: «а почему тейпы темно-темно зеленые? Предметы от воды темнеют?» Что мне нравится, они все-таки запоминают мои объяснения. На 100500-й раз, но запоминают.

Таня: «жил-был бык. У него снимались копыта. И у него была жена корова, в полосочку в разную». Бык со съёмными копытами и женой-зеброй, судя по всему. Серьезная сказочка.

Маха сидит у папы на ручках и гладит его по голове: «волосы, надо пригладить волосы». Мы дружно удивились, где она там нашла волосы. Маха не растерялась: «Да вот две кучки. Приглажу сейчас два волосика». Вот это уже ближе к правде, да.

Таня смотрит, как Махе наклеивают синие тейпы поверх зеленых: «Маня наполовину лягушка, а наполовину рыбка, синяя». Словом, человек-трансформер.

Маха: «вода и подвода». Подвода – это то, что под водой, очевидно.

Тане надели бахилы, она ходит довольная: «я уточка. А Маня ворона». Не очень понятно, почему. Надеваю маску и спрашиваю, а я кто? Таня долго смотрела, думала, и гово-

рит: «голубка». Запредельно лестно, хотя я больше чем уверена, что это голубоватый цвет маски навел ее на такую ассоциацию, потому что я даже отдаленно не голубка, и Тане это известно лучше, чем кому-либо еще.

Маха: «мышонок сидел рассердитый». С Махой тоже это бывает: «мама, уйди, мне все надоело!» Удивительно, но стоит ей дать поиграть с Таней минут 10—15, и она снова готова в бой. Игротерапия.

Таня залезает под стеклянный столик: «я буду здесь мечтать». И точно, смотрит через его прозрачную крышку совершенно мечтательным взглядом. Смешная.

Маха растет настоящей женщиной. Она еще и Таню научит, потому что это не мое. Чего стоит ее: «смотри, у меня новые колготки!» Или: «смотри, какая у меня челочка!» Но что побило все рекорды, так это: «смотри, у меня тут соски!», сказанное доктору. Маха, допустим, сама впервые увидела свое отражение ню в таком большом зеркале, но все же есть граница. Ну, должна быть. И у Махи реально суперспособность, посмотрев на картину, повторить выражение лица персонажа с максимальной точностью. Актриса драматического жанра.

Маха, когда бабуля и дедуля, погуляв с ними, уехали,

грустно: «значит, никто не поиграет со мной в кружевалки?» Маха быстро утешилась, с ней весь вечер играла Таня, но я так и не поняла, что это за игра.

Таня играет: «аа, у меня ушки порвались, что мне делать?» Не рискнула выяснить, у кого и отчего порвались ушки. Дети довольно brutальны, я опасаясь за свою психику.

Маха: «а у меня сегодня выходной!» Она любит занятия и скучает по ним, причем скучать начинает почти сразу, но они же научили ее ценить выходные. Выходные, правда, весьма относительно, дома она занимается всегда. И попутно прокачивает дипломатический талант. Говорит мне: «слушай, давай так договоримся: туда я пойду с утяжелителями, а обратно без них». Я так обалдела от ее делового подхода, что сразу согласилась на эти условия.

Таня: «тебе не будет холодно, ты зомби». У них есть две игрушечные девочки-зомби хендмейд, со съёмными головами, Маха их даже боялась поначалу. Но мне интересно, откуда Таня сделала такие логичные выводы.

Маха села на горшок и говорит папе: «уходи наверх! Позову, когда захочу подниматься». Как скажете, ваше сиятельство. По количеству рентгенов Маха вполне уже тянет на ее сиятельство, и оно прям даже по манерам видно.

Таня бабуле: «я знаю сказку про быка. Но тебе не расскажу, ты взрослый человек. Я Мане рассказываю». Таня думает, что взрослым не нужны сказки, и тут она сильно ошибается. Еще нужнее, чем детям, пожалуй.

Маха залезла за стенку гардероба – сама, и это знаменательно. Скоро я ее буду вытаскивать из самых неожиданных мест, как Таню. Но сама Маха по этому поводу в безграничном счастье, и Таня тоже – у них расширяются пространство и возможности для совместных игр. Сегодня полдня сидели в куче одежды и играли в домик.

Маха: «я залезла сюда сама, ничего страшного не произойдет! Сейчас прилетит комета, беги скорее в квартиру!» Мне кажется, или у нее в одной фразе три противоречия? Залезла сама – я рада, конечно, но не уверена, что ничего страшного не произойдет. А уж если комета, да еще бежать скорее надо...

Таня: «пойдем играть в тех же самых девочек!» Из контекста стало ясно, что они играли в самих себя. Оригинально. И еще нас спрашивали, будем ли мы в них играть. Да мы хочешь не хочешь непрерывно в них играем пятый год уже.

На прогулке опять встретили голубей. Маха: «голубиные котлеты!»

Таня: «мы только крылышки есть не будем».

Маха: «и клювик оторвем, он твердый».

Это они посмотрели на голубя, и уже мысленно разделали его и съели. Боже. А с виду такие девочки-ромашки.

Маха: «скоро будет комета большая, спрячемся в пещеру темную».

Таня: «давай тут посидим, тихо поразговариваем, а то комета прилетит громко, нечего будет разговаривать».

Маха: «я вышла из комнаты, когда прилетела комета. Комета – это не страшно».

Утешительно, конечно, что не страшно, но их эсхатологические прогнозы как-то немножечко озадачивают. Ведь они совершенно не в курсе насчет карантина, вируса, кризиса и что там у нас еще на повестке дня.

Маха чихнула и смеется: «апчих шлепнулся на коленки!» Таня пришла и тоже угорает: «апчих! почему апчих?» Хорошо им вдвоем, они на одной волне постоянно. Когда уезжаю с одной Махой, драма у обеих, говорят обе в один голос: «мне будет скучно без моей сестренки!» Так мило.

Маха идет под мое «быстрее шаг» и говорит мне: «потом ты уйди заниматься своими делами, а я и так быстрые шаги буду делать». Да, я часто ее достаю, но даже не знаю, как тут может быть иначе.

Маха Тане: «беги ко мне!»

Таня: «уже бегу!»

Маха: «мы будем вместе жить».

Опять внутри вешалки, конечно. У них там домик.

Маха идет к вешалке: «мама, отодвинь горшки в стороночку. Я через секунду приду». Ну, насчет секунды она погорячилась, конечно, но секунд за 20 дошла. В другой раз встала сама, держась за диван, и зовет: «мама, давай ходить!» И втопила, говоря при каждом шаге: «кrrруто, кrrруто, кrrrrруто!» И правда, это было круто. Я ее не подгоняла даже.

Таня на прогулке: «Маня, не пой!» Таня очень строга. Но не всегда. Когда Маха упадет, или еще по какой-то причине расстроится, запросто и от таниного укуса, Таня спешит на помощь: «Маня милая, иди я тебя пожалею!» Маха тут же забывает все печали и охотно жалеется.

Дети проснулись в восемь утра, я на автопилоте открыла им занавески, посадила на горшки, все такое. Они мне: «иди, мама, поспи еще, а мы поиграем». Оооо, сколько я этого ждала! я тут же пошла спать и смотреть во сне, как они еще лет через пять и посуду помоют.

Таня говорит, говорит, сочиняет сказку какую-нибудь. И если ее позвать в этот момент, она быстро сворачивает повествование: «ну вот и все. Конец». Эпично.

Маха: «скоро будет комета, мамочка!» Да я уже поняла, что дети что-то такое знают, но не хочу докапываться, чтобы случайно тоже не узнать чего-нибудь.

Маха сидит за вешалкой: «Таня, иди домой!» И Таня послушно идет.

Маха откусила хвост игрушечной мышке, и когда бабуля стала ее спрашивать, она ли это сделала, Маха: «я ем галету, не могу отвечать». За Маху можно не волноваться, она умеет жить. Уже знает, что во всех сомнительных ситуациях надо делать вид, что ты не при делах.

Таня, уже не при виде голубей, а просто оказавшись там, где голуби обычно бывают: «охотиться на голубей!» Я ей, не подумав, показала кусочки голубя, на которого уже поохотились до нее – смотрела очень внимательно и теперь знает, что делать и в какой последовательности.

Маха на прогулке заныла, что хочет домой. Таня: «сейчас поедem, я тебе дома кого-нибудь нарисую». Таня актив-

но осваивает раскраски, а Маха не менее активно любит процессом, наотрез отказываясь попробовать самой, и называет это «мы рисуем». И правильно, Таню махино восхищение очень подогревает. Я не настаиваю на махином более непосредственном участии, на повестке дня ноги, а все сразу не бывает.

Маха: «оставь меня в покое, я позову, когда захочу есть». Эх Маха, не так быстро, главная пока еще я.

На лиственнице выросли побеги, и дети теперь в начале и конце прогулки едят свежую зелень.

Маха делает упражнения и драматично так: «сил больше нет!» Говорю ей: «что это ты, мы только начали». Силы сразу же появились, деваться некуда.

Таня, увидев на дорожке муравья: «муравей, убейся!» – и пытается его затоптать. Меткости не хватило, надеюсь. Мои лекции о защите живой природы она как-то плохо усваивает, я уже второй или третий год пытаюсь.

Маха: «мама, хочу пройтись! Пройдусь до плиты. А если упаду, надо меня поднять». В близком соседстве с плитой пришлось превентивно страховать ее от падений, а то – плита новая, жалко.

Маха села обедать: «а тыквы положила совсем немножечко. Я же умру».

Я, удивившись: «от чего ты умрешь, от тыквы?»

Маха вообще не такой большой любитель овощей, чтобы умирать от их недостатка.

Таня: «нееет! от котлеты Маня умрет».

А вот это больше похоже на правду, столько мяса лопать.

Таня любит своим голым пузом: «видишь, какая я толстая. Надутая. Толстенная!» И пыжится еще больше надуться. Получается, прямо скажем, не очень убедительно.

Мою Махе голову, она, как положено, воеет как раненый бизон. Таня: «Маня, не кричи. Вот смотри как я. Я повизгиваю тихонечко». Когда моют голову Махе, Таня демонстрирует непоколебимый стоицизм, но вот когда дело дошло до самой Тани, повизгивала она совсем не тихонечко.

Маха вечером в поэтическом настроении: «где звезды? Звезд нет. Луна там только-только поспевает. Луна поспела!» И точно, луна поспела. А звезд скоро совсем не будет, белые ночи начинаются. Уже не темнеет до конца.

Таня: «мама, иди работать». Прозвучало как – иди займись уже делом. Я опять их достала.

Маха на разминке: «я выбилась из сил!» Драматический талант не скроешь, но, на свою беду, Маха стабильно выдает такие перлы в самом начале занятия, когда поверить невозможно. А потом втягивается и забывает, что страдать нужно.

Таня опять озадачилась вопросом, «а почему Маня не умеет ходить так, как я? Она же большая». Вот и объясни им. Потому что ей труднее научиться, так получилось. Хорошо, что сама Маха максимум поинтересуется, когда и как ходить научилась Таня, а не почему ей труднее.

Маха глядит в окно: «смотри, какая луна обозначена в небо». И правда, обозначена.

Таня бежит за мной на кухню, смотреть, как я буду им кашу варить: «мама, мама, подожди, одеваюся, обуваюся». Ну, это понятно – аллюзия на лубяную и ледяную избушки, они эту сказку знают наизусть во всех редакциях.

Маха: «а когда у папы снова будет выходной?» В первый вечер она пришла в восторг, узнав, что завтра. Во второй: «опять завтра?»

Едем в машинке, девочки потребовали себе Саймона и играют в него.

Маха: «расскажи сказку про котят».

Таня: «жил-был кот Саймон, и у него были маленькие круглые котятки».

Дети упорно считают первичные половые признаки ко-та его детьми, и это настолько близко к правде, что я даже не считаю нужным что-то уточнять.

Таня, ложась спать: «завтра будет большой пир. Я всех угощу галетами». Пир довольно скромный, прямо скажем. Но утром эти планы реализовала Маха, угощая Таню: «держи! Я делюсь самонедогрызенной галетой». Таня самодогрызла ее.

Маха идет под запись, смотрит на фотоаппарат на штативе – это ее новая суперспособность, смотреть во время ходьбы не себе под ноги, а вперед – и говорит: «это похоже как будто бы человек. Штатив это у него тельце, а фотоаппарат голова». Когда я поинтересовалась, как тогда выглядит, что я снимаю его со штатива, как только съемка заканчивается, Маха невозмутимо ответила: «это значит что с него голова снимается». Действительно, и никаких проблем.

Таня: «а что нам бабуля подарит?» Говорю, что ничего, чего ради дарить, никаких праздников вроде. Таня: «а зачем мы тогда к ней едем?» Практичный ребенок.

Хвалю Маху, что она хорошо ходила и вообще молодец, она тает от счастья, нежится, а потом деловито так: «а Константин Сергеевич что сказал?» Я не поняла, было это требование объективной оценки или похвалы от высшей инстанции, и склоняюсь ко второму варианту. С тех пор, как я сказала Махе, что посылаю видео ее трудовых подвигов доктору, она неусыпно контролирует это и, закончив занятие, говорит: «иди отправляй ролики». Есть, господин начальник.

Сегодня обе девочки поставили свои рекорды. Таня совершенно внезапно научилась ездить на велосипеде. На трехколесном «малыше», разумеется, и только по ровной дороге. Понятно, что дети ее возраста уже двухколесные по проселку осваивают, но я и на это не особо надеялась, она прошлым летом вообще не понимала, для чего там педали. А Маха прошла дистанцию вдвое быстрее, чем в самом

быстром варианте до того, потому что ей обещали оладушки. Мотивация! Но если я буду ее так каждый раз мотивировать, она быстро утратит способность двигаться вообще. Я никогда не ела столько, сколько эти две куклы.

Открываю форточку, Таня лезет на подоконник: «какой прекрасный светлый воздух!» Радует, что они умеют это замечать и ценить.

Маха пошла гулять в домашних ботинках – на теплую погоду у нее нет других, в которых можно было бы нормально ходить. Непорядок: «а почему я в домашних ботинках?» Ничего, отмылись они очень легко и быстро.

Таня надела панамку, в которой я ее фотографировала на «портрет мальчика» Пинтуриккьо, и говорит: «это итальянская шляпка!» Так забавно – запомнила же, что картина итальянская.

Маха сидит после ванны и умиляется сама на себя: «пу-поочек! Он такой маленький, как котенок. Вон он в ямке». Или прилезет обниматься: «маааааа, ты мой котик!» Мимимишность зашкаливает.

Таня, навернувшись с велосипеда: «я хочу падать!» Правильно — что бы ни случилось, всегда говори, что все идет по плану. Мало ли какой у тебя дурацкий план. Это прямо совершенно точно про Таню.

Маха: «на велосипеде волк и заяц. Наверное, это те, про кого ты поешь нам ночью». Я даже не сразу поняла, о чем она говорит. На велике и правда картинка из «ну погоди», но пою я им не ночью, а на ночь, песенку на стихотворение Блока «маленькому зайчику на сырой ложбинке». Интересно у Махи это в одну ассоциацию сплелось. По мне, так ничего общего.

Таня скачет по комнатам и объясняет: «это бегающий морж. Я его изображаю. Так не бывает вообще-то. Это из какой-то сказки». Ну просто все возможные возражения предупредила.

Сказала Махе, что купим ей флуоресцентные утяжелители, она будет ходить и светиться в темноте. Маха в ответ: «мутант буду». Купили не светящиеся, она и без этого достаточно мутант.

Таня приходит к папе во время ужина и требовательно: «проследи за нами, чтобы мы не испачкались!» Действительно, порядок надо знать.

Маха: «почему у папы мало волос?» Надо было сказать, что это я ему плешь проела.

Таня смотрит, как Маха идет в солнечном луче, и говорит: «волосы золотые! В кольца завитые». Так-то ничего особенного, это из Конька Горбунка, но интересно то, что его бабуля читает только Махе, а Таня при первых звуках затыкает уши и убегает. При этом они обе постоянно играют в него, а Таня еще и текст цитирует. Может, она убегает, чтобы не допустить переполнения стека?

Папа не разрешает Махе потрошить бабулин рюкзак, «он не наш». Маха: «разве мы чужие бабуле и дедуле?» И возражать нечего.

Махе делали узи, и нужно было заставить ее полчаса лежать неподвижно. Верный способ этого добиться – показывать ей ее собственные младенческие фотографии. Но и тут не без подводных камней: увидев фото, где Таня учится стоять на четвереньках, Маха недоуменно спросила: «как это на четвереньках? Ты же говоришь, что нельзя». Да, Маху сначала долго и упорно учили стоять на четвереньках, ходить на четвереньках, а теперь запрещают, потому что ходить ногами она будет, только когда иначе никак нельзя. Но последовательным такое воспитание, конечно, не назовешь. Ничего, главное, что она и правда запомнила, что на четвереньках нельзя, и ходит ногами. И все чаще в кайф.

Таня смотрит, как я юбку меряю: «мама! Какая ты дама! Потому что красивая». Тут же смотрит на себя в зеркало: «и я тоже такая красивая дама». Так мило.

Маха зеркало тоже любит: «отразиться в зеркало. Отражусь – как мне очки, впору?» А то дойдет до зеркала и звонко целует собственное отражение. И это у нее с младенчества.

Таня, услышав гром, испуганно: «в колясочку!» Боится грозы. Я тоже боялась в детстве, пока не попала под отличную грозу в Кусковском парке, где каждое второе дерево – дуб. Под дубом мы и переждали самый сильный ливень, а потом бежали через поле к железной дороге под гром и молнии. С тех пор я обожаю грозу. Но, боюсь, если Тане устроить такое счастье, она может отреагировать иначе.

Маха ползет по кровати: «я гребу к окну». И вот реально гребет, точнее не скажешь.

Таня: «сейчас проковыряю когтями своими. Раздеру дыру». Не знаю, что она собралась ковырять, но если захочет, все раздерет, без шуток, хотя когтей у нее нет совсем.

Маха, позанимавшись: «ну скажет Константин Сергеевич, что я молодец?» Конечно скажет. Маха в самом деле молодец.

Таня в ванне про Маху: «смотри, какой гном плавает! Водяной гном». Чтобы быть точной, два гнома. Потом прихожу ее вынимать, она: «играть хочу! Сейчас выскочу из таза и тебя совком ударю». Вот это у Тани игра, серьезная, прямо скажем.

Маха: «сердце мое надо слушать тихо. Оно стучит громко-громко. Почему я его не слышу?» – с тревогой. Взяла ее руку, приложила к груди, говорю слышишь теперь? Маха с блаженной улыбкой: «да!»

Достаю коврик для занятий с Махой и ложусь на него с силами собраться. Маха в полном восторге: «ложись, спи себе. А я помучаю. Буду в ноздрях щекотать. Ты моя лапусенька». В общем, недолго я лежала. Маха слов на ветер не бросает.

Таня после ужина: «я всё съела! А Маня не всё. Потому что мы все разные. Кто-то сильный, кто-то не такой сильный. Мы все разные». В ней толерантности больше, чем во многих из тех, кто знает, что означает это слово. Восхищаюсь.

Маха сидит на кровати: «мне страшно! Неужели страх ко мне приходит? Страшно всё». И смотрит с улыбкой. В ее возрасте я ощущала в точности то же самое. Смотрю на них и вспоминаю. Зато сейчас наоборот. Они это видят и хотят вырасти.

Таня: «я самая прыгучая, самая сильная, самая здоровая!» Не знаю, как насчет двух последних пунктов, но по первому вопросов нет. Она скачет по кровати просто как пантера.

Маха перед узи: «а узи это больно? Я потерплю!» Не слушая мои уверения, что не больно и терпеть не требуется. У Махи уже по жизни философия преодоления.

Маха: «посмотри на огоньки, они так ярко светятся!» Когда нет звезд, и фонари обретают романтический ореол.

Маха утром: «мама, я наспалась!» А я, как назло, еще нет.

Таня: «есть! я уже зубами стучу». Вот только в такой кондиции дети и должны есть. Никаких уговоров и этого не буду, того не хочу.

Маха: «что-то глаз мокрый. Наверное, от рёв». Да уж не иначе. Маха начинает постигать причинно-следственные

связи.

Таня про Маху: «смотри, какой гном сидит играет!» Махатут же про Таню: «какой кулечек!» – потому что Таня в полотенце. Две куклы.

Бабуля пришла из магазина, Таня ей строго: «а ты руки мыла? Заболеешь!» О ужас, и это при том, что мы вообще не посвящаем их в актуальные мировые проблемы. Таня и без этого первый кандидат на обсессивно-компульсивное расстройство.

Маха тискает бобра: «детеныыыш! смотри, какие у него лапки!» И надо слышать, каким голосом она это говорит. Непередаваемо.

Таня: «идет прямо по воде, и тут оказалась в подводном гроте. Как тут темно, выдохнула она». Время невероятных историй.

Маха: «а как писать перл? Буквами?» Задача была объяснить ей, что писать буквами это ерунда, перл сначала надо сочинить. Но именно с этим они обе справляются на ура.

Таня смотрит на новые фломастеры: «похоже на шприц». Я: «шприц! Точно, Маху сюда давайте!» Махе назначили уколы, а танины ассоциации помогают мне об этом не забыть. Но это конечно знаменательно, что детям все напоминает медицинскую тему. Это единственное, что им так хорошо знакомо.

Сделала Махе укол, она смотрит на меня и негодуя: «ты меня уколола!» Да, так и было задумано, бедная Маруська.

Таня, встав с горшка: «надень на меня штанишки. Папа говорит: сама надевай, сама. А я не могу, хитрая больно». Вот это однозначно. И дальше: «у меня есть в голове специальная хитрость». И далеко не одна.

Посадила девочек на качели, Маха боится: «мама, побе-

реги меня!» Я от ее выбора слов просто балдею.

Опять рассуждали сегодня о гастрономических качествах голубей.

Маха: «голубь мягкий под перьями. Надо только клювик оторвать».

Таня, устремляясь за голубями: «и лапки тоже».

Не пойму, они у меня все время голодные, или это у них просто охотничьи инстинкты просыпаются при виде птиц?

Маха: «половинчатый день рожденья». Это сегодня, потому что прошло ровно полгода с обычного дня рожденья, а у нас еще со времен реанимации привычка праздновать каждый прожитый день, и уж тем более полгода.

Таня идет со мной за руку и тащит меня в сторону от дороги. Я не даюсь. Таня недовольно: «какая ты глупая, не даешь мне на песке следы делать!» Да где уж нам уж выйти замуж. Мы уж так уж как-нибудь. Девочки очень часто уверены, что я читаю их мысли, и снисходят до объяснений, только когда видят, что я глупая не понимаю.

Маха, на вопрос, куда девался колпачок от фломастера: «растеряла все, дура так дура!» Характерно, что ее никто не ругает за это, и уж точно не называет дурой. Похоже, она перечитала народных сказок. Уже в который раз убеждаюсь,

что Маха даже к себе максимально объективна. Когда идет, знает сама, когда у нее хорошо получается, а когда не очень. И при всем кайфе от своих новых способностей она их не переоценивает: «я научилась ходить неплохо». Я бы сказала более сильно – очень круто она ходить научилась. А Таня носит трофейный фитнес-браслет и, судя по нему, наматывает какое-то совершенно безумное количество шагов.

Таня мне: «а почему у тебя ногти такие, а не зеленые? Или красные? Маня свои красит» – и правда, стоит Маху оставить наедине с фломастерами или карандашами, у нее через пять минут и маникюр, и макияж. Таня в продолжение темы: «потому что ей нравится. А мне не нравится. Это же смывать придется. Мы все разные». Вот уж точно. И мне даже не пришлось Тане ничего объяснять, она сама поняла. Это же смывать придется!

Прихожу утром к детям, Маха смотрит на меня без тени улыбки и говорит: «мам, через минуту я буду готова колоть». А я и забыла про укол. Вот вообще не сентиментальна, но тут даже у меня в носу защекотало.

Таня рассудительно: «иногда у меня валится горшок, но я же не ругаюсь, я просто поднимаю. Я же не умею ругаться». Ну это она зря скромничает, все прекрасно умеет.

Маха смотрит, как я заплетаю Тане косички: «у тебя очень хорошо получается!» У Махи очень хорошо получается подбодрить.

Таня папе: «ты что, глупый хитрый?» Сразу вспомнился хитромудрый Одиссей, что-то в таком стиле.

Маха в машине, дотянувшись до ручки над дверью: «я достала до ручки!» И в прямом и в переносном смысле, точно. Они научились вылезать из ремней прямо на ходу, и если раньше это любила практиковать только Таня и то изредка, то теперь как ни взглянешь на них – обе сидят без ремней. Увидев грозный взгляд, залезают в ремни обратно. Но не очень удобно ехать и все время смотреть на заднее сиденье.

Маха вопит после укола – они щипучие, сам укол она спокойно терпит, а вот лекарство жесть. Таня подходит к ней: «тише, Маня, не плачь! Не плачь, все пройдет, все будет хорошо». Это был первый раз, когда Маха не растрогалась и не утешилась от таниных утешалок. Без шуток больно.

Таня в очередной раз шмякнулась вместе со своим велосипедом. Маха смотрит с высоты своего седла: «ааа, ты не умеешь ездить!» Таня тут же поспешно встает: «умею, умею». Сама Маха тоже оригинально катается – встанет рядом с велосипедом: «хочу посмотреть на него, что с ним не так? Почему он не едет?» То есть это с ним что-то не так, а не с Махой. Это один из тех редких случаев, когда Маху подводит ее обычно ясное критическое мышление.

Таня рассказывает очередную сказку, слышу: «а мама у них умерла, старенькая была». Люблю танины сказки за реализм.

Маха каждый вечер смотрит в окно: «какое там небо?»

А на поле просит, чтобы я ей срывала длинные метелочки, и тянется вверх – до неба. Нет предела совершенству, каждый раз просит их все длиннее и длиннее.

Таня тоже любит метелочки, но использует их иначе: «мама, я тебя щекочу! Засмейся!» Наверное, летом будет смешнее, а пока они прошлогодние – довольно колюче.

Решила ради интереса проверить, есть ли у детей синестезия. Совсем недавно выяснила, что цвет букв и слов видят не все. Маха легко сказала, какого цвета ее имя, и танино, и наши с папой. Таня не поняла вопроса, растерялась и повторила за Махой. Папа все равно уверен, что я это все придумала и Маху научила.

Таня: «плохо поступать нехорошо». Однозначно. Сама тут же поняла, что сказала, и углубилась в пространные объяснения и обоснования.

Маха на поле: «хочу ходить!» Достала ее из коляски, поставила на ноги. Черемуха цветет, жаворонки журчат, соловьи поют – Маха идет. Бывают в жизни мгновенья, когда накрывает ощущение абсолютного счастья – вот это было оно.

Маха перед уколом начинает пищать, и на наши увещевания, что она же обычно не боится уколов, отвечает:

«я уже боюсь! Я маленькая-премаленькая девочка! Я маленькая глупенькая!» После укола так рассудительно: «может быть, скоро перестанет болеть. Когда начнем разминку, пройдет». Начинаем разминку, Маха: «укол уже не болит». Ну ничего себе, час как минимум прошел.

Таня продолжает проповедовать плюрализм: «иногда я съедаю все, а иногда нет. Мы же такие разненькие». По ее логике, и сама Таня в разные единицы времени разная, что совершенно справедливо. Как и мы все.

Говорю Махе: «обопришь на эту ногу». Маха: «я обперлась!» Звучит.

Катаю по махиной спине большой фитбол. Таня смотрит на это и тревожно: «а зачем Маню раскатить, она же будет плоская?» Говорю, ну это же не каток. Маха, что характерно, кайфует.

Маха смотрит на корову на поле: «рога у коровы острые как сабли. Как анализ или прививочка». Я даже забыла, с какой ноги шла, услышав такую оригинальную аналогию.

Таня все время рвется вперед всех: «я вперед, как всегда! Я первая!» Когда она хочет бежать впереди меня, то всегда пожалуйста, а вот если хочет вперед Махи на баланси-

ровочную доску, я не пускаю. Говорю: «ты первая родилась, а на доске первая позанимается Маха». Таня, к моему удивлению, легко приняла этот аргумент. И ведь на самом деле, скорее всего, Махе потому и нужна так балансировочная доска, что она родилась второй.

Маха смотрит на цветы на обоях: «похоже как будто тараканы бегают». Можно подумать, она хоть раз видела таракана.

Таня: «когда я была маленькая, я еще не умела говорить. И кричала, когда мне чего-нибудь хотелось. Я кричала: ку-кареку, лететь не могу!» Ну, прямо скажем, с тех пор в этом плане мало что изменилось.

Маха разглядывает свое пузо: «пупочник – это ямочка для пупка». Чувствую, Маха обогатит науку.

Сказала детям, что когда коровы мычат, это они здороваются так. Теперь девочкам неймется, если корова не мычит. Объясняю, что она ест, рот занят. Таня рассудительно: «я тоже не говорю, когда ем. А иногда говорю». Чаше говорит, конечно.

Маха: «а почему такие клопы лазают по деревьям, и что они едят, собственно?» Даже не выяснила, про каких клопов

речь, собственно.

Таня: «запиши нас. Посмотрю-ка с табуретки». Контроль – все ли я правильно фиксирую.

Маха: «а что домовята едят?»

Таня хищно: «мясо!»

Маха: «какое мясо, кроличье?»

Таня: «да, кроличье».

И это дети, которые нежно любят зайчиков и кроликов.

Занимаюсь с Махой и поторапливаю ее, чтобы она не засыпала посередине упражнения. Обычно говорю: «давай быстрее, а то не успеем погулять», или: «нам надо ехать к доктору». Маха всегда соглашается. А тут вечером занимаемся, и Маха задумчиво отвечает: «а куда мы сейчас торопимся?» Шах и мат. Вот размеренный человек.

Таня прибегает утром ко мне в постель, залезает и командует: «повернись ко мне брюшком!» Я еще не проснулась, а то обидно было бы.

Маха стоит на балансировочной доске: «в шее кости гнутся». Видимо, это производное от слова «гнутся», а детальное расследование помогло выяснить, что это значит – шея болит.

Таня: «Эни-Пени это вообще такая дама! Потому что красивая». А так-то вообще это курица из сказок Беатрис Поттер. Маха говорит о ней, как о своей подруге, и как-то изрекла с мировой печалью в голосе: «может быть, она даже умерла...» Я: «кто??» Маха: «моя подруга!» Тут я вспомнила, что ее подруга – курица, да еще из сказки. Отлегло.

Таня катается в коляске, и ее фитнес-браслет считает ей шаги, а я качу эту коляску, но мой браслет считает, что я еду, и шаги не прибавляет. Это все, что надо знать о справедливости.

ВОСТИ В ЖИЗНИ.

Маха раскурочила синий фломастер, прихожу – а она сидит довольная, и носогубный треугольник синий, как в моих самых кошмарных снах. А еще ее постепенно настигает головокружение от успехов. В буквальном смысле – бегала тут по коврику на четвереньках и говорит потом: «это пол кружится или коврик?» И в переносном – немного научилась ходить по полу, и ей уже по потолку бегать хочется. Маха явно наслаждается эффектом, когда я захожу в комнату и не могу удержать вопль ужаса, застав ее наполовину вскарабкавшейся на кровать или горшки. Но она потом и кровью заслужила героическое самоощущение. Сама отрывается от опоры и идет, даже не зовет зрителей. Процесс обрел самооценность.

Маха: «я прячу свою попу!»

Таня: «Маня, не бойся, это только укол!»

Прекрасно, только кто бы говорил. Если укол надо сделать Тане, нужны как минимум трое, а лучше семеро.

Таня: «кружевалки – это когда вращаешься», сказала и закружилась. Ну наконец они мне это объяснили.

Маха смотрит, как Таня раскрашивает, и говорит: «крась, крась! Не отвлекайся от работы». Я уже даже не знаю, кто

из них более главный начальник.

Таня на приеме у невролога не дала врачу рта раскрыть – все рассказала в подробностях и утомительных деталях, предупредила любые вопросы, в общем, играла всеми гранями своего интеллекта. Мне это напомнило многочисленные конференции, на которых довелось побывать, и докладчиков, которые умудрялись так запудрить мозги слушателям, что те забывали не только о том, какой, собственно, вопрос был задан, но и тему доклада, и даже какой сегодня год. Еще думала, где такому учат – а вот оказывается, это врожденное.

Маха перед энцефалограммой отвечала на вопросы медсестры, какого цвета какой проводочек, и все очень точно. Медсестра: «кто тебя научил так хорошо разбираться?» Маха, приосанясь: «сама!» Это прозвучало гордо.

Маха на прогулке так торопит меня, чтоб я ее бегом катила, что вместо «гони» кричит: «гни! гни!» После таких гонок я ухожу умирать на садовые качели. Маха такая Маха. Любит скорость, но чтоб самой не напрягаться при этом.

Таня: «преследовай нас!» Это значит в переводе на человеческий – следи за нами.

Гуляем, мимо проходит человек с собакой, говорит ей:

«Чара, рядом!» Маха с покерфейсом: «овчара». Кстати, правда овчарка была.

Смотрим на корову, Маха: «а зачем она полный рот набила?» Маха думает, что только ей так можно.

Таня вот порядок знает. Кормлю ее в машине, она негодующе: «ты что! У меня еще полный рот». Ах извините простите.

Даю Махе апельсин, Таня: «а я не люблю... дай и мне тоже!» Последовательность – ее второе имя. А первое – не.

Идем поливать араукарию. Маха: «ару... просто ару кария». Ору.

Таня: «я грызу все своими острыми огромными зубами. Мы же грызуны». Не поспоришь. Маха так и стены грызть может.

Маха нежится: «мама, смотри, как пушисто! Пушисто-препушисто». Квинтэссенция Махи.

Таня надевает перед зеркалом шапку с ушками: «заячьи ушки. Значит, я зайчик». Зайчик снаружи, волк внутри. Таня грозенькая.

Маха: «я умею кататься на велосипеде. Я уже большая девочка. Иногда у меня получается». Последнее замечание наиболее верное. У Махи, похоже, будут самые близкие к реальности резюме.

Таня с разбега хлопнулась в траву, вскакивает: «это такой пируэт». Пируэт был огонь просто.

Маха едет и делится наблюдениями: «наша машинка веселая, а все сердитые. Потому что у них рожицы такие, сердитые. А у нашей веселая». Шнива, конечно, выглядит довольно доброй, есть такой момент.

Таня смотрит на лужайку с одуванчиками: «одуванчики как огоньки! Светятся». Маха присоединяется: «желтые как огонь!» Поэтический взгляд на мир у детей.

Маха сидит в машинке и тянет к себе мой ремень: «я тяну репку!» Радует, что это было на парковке, а то у Махи в руках силища огого, она ведь так и задушит влегкую. Не имея в виду ничего плохого. Хотя – на ходу не дотянется. Надеюсь.

Таня пришла ко мне утром: «пришла поваляться. Мне на подушке места нет!» Это всегда заканчивается тем, что я приношу и Маху, и они вдвоем меня выжидают за три секунды. Почти рекламный слоган: хочешь быстро встать с постели – спроси меня как.

Таня: «залезай под папино одеяло, а я под твое. Давай все перепутаем!»

Маха: «ты что, совсем с ума сошла?»

Вот и правда что.

Маха: «я кулечком укукливаюсь». У Махи получается. У Тани нет – она только скачет как сайгак.

Таня: «мы же друг другу сестренки. Мань, милая ты!»

Маха: «да. Сестры сестрички. Обнималки-целовалки».

И вот тут надо не пропустить момент, когда обнимашки переквалифицируются в бой без правил, а происходит это всегда внезапно и почти мгновенно.

Маха умывается и задумчиво: «там хрустят...» Спрашиваю, что хрустит, Маха будничным тоном: «волосы и тейпы».

Потом, когда я чищу ей зубы, она так же буднично: «там тейпы». Ну а что, если они полезны на спине и ногах, на зубы тоже можно.

Таня раскрашивает картинку: «нарисую деду Морозу бороду, желтую, как сыр». Белого фломастера нет ведь. В моем детстве это тоже всегда было проблемой.

Надеваю на Маху костюм для занятий. Таня ходит кругами, смотрит: «сделай моей сестре укол!» Добрая девочка. И главное, ведь только что уже сделали.

Маха сегодня ходила особенно звездно, и на мое восхищение спросила: «а Константин Сергеевич что скажет?» И тут я поняла, что ей действительно нужна оценка от высшей инстанции, но только в том случае, когда она сама в себе уверена. Подтекст такой: покажи доктору, какая я молодец, оправдала вложенные усилия. Понятно, Маха думает не в таких категориях, но продемонстрировать хороший результат главному начальнику по ходьбе – это 50%, если не больше, ее мотивации. Услышав, что доктор ее хвалит, Маха засияла своей самой неотразимой улыбкой и утвердительно кивнула: «круто прошла!» Не преувеличила, правда круто.

Таня тоже звездит: «мама, пойдем, я покажу мой пируэт. Но только надо туда пойти, в мастерскую». Мастерская

у нее – это холл, где стоит спортивный комплекс, и Таня действительно наловчилась исполнять всякие акробатические трюки. Радует, что на небольшой высоте – две инвалидные коляски мне уж точно не хочется.

Маха перемазалась одуванчиками: «наверное, у меня жёлтая-прежёлтая рожа». Да уж будь уверена. Еще и одуванчики ей подавай самые раскрытые: «ты мне не такой сорвала, сорви самый плоский!» Проблемой это становится вечерами, когда они начинают закрываться. Для Махи это не аргумент вообще. Достань мне цветочек аленький, и все тут.

Сидим на качелях, Махе захотелось пройтись. Говорю: «иди». Маха: «ты тоже вставай и говори: левой ножкой быстрый шаг, правой ножкой быстрый шаг!» Встаю, говорю. Маха: «что-то ноги вытыкаются. Надо траву покосить». Вот практичный человек. Ей и правда не осилить по траве. Чувствую, она нам работы задаст, никто без дела не останется.

Таня: «домой пошли! Мне очень голодно». Главное эффектный заголовок, это да. Пришли домой и залипли играть, даже не раздевшись до конца. Я успела и приготовить, и сама поесть, и отдохнуть, пока они вспомнили, что вообще-то обедать давно пора. Благодать.

Дети потеряли кукольную шапочку. Таня на все вопросы

сразу перевела стрелки: «я ее не теряла! Это моя сестра». Маха сначала ответила: «она где-то», а на повторные вопросы: «не приставай ко мне, потом об этом поговорим!» – и загрузила более важными делами. Вот это я понимаю организаторский уровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.